

Колдовские миры

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ОТРАЖЕНИЕ
Зеркало надежды

Колдовские миры

Галина Гончарова

Отражение. Зеркало надежды

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Отражение. Зеркало надежды / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2019 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-101453-7

Родители – это хорошо? Только не тогда, когда они появляются у тебя на пороге через пятнадцать лет после разлуки и пытаются требовать алименты. Любовь – это прекрасно? Но не когда она безответная и молчаливая. Нравиться мужчинам приятно? Но ведь смотря каким... И это проблемы только Матильды. А у Марии-Элены свои беды. Столица – роскошь и блеск королевского двора? Нет, господа, это змеиный клубок заговорщиков. Аллодия – прекрасная страна? Но не когда на границе сорок тысяч врагов, которые успешно продвигаются вперед, а король... Королю плохо. И причина его болезни пока неизвестна. Какая уж тут любовь, какие браки? Но родственников не уймешь! Им наследство нужно! И как-то придется отбиваться, что-то решать, идти вперед... Но Матильда и Мария-Элена унывать не будут, ведь теперь они не одиноки. Спасибо тебе, зеркало, подарившее сестру – и надежду!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101453-7

© Гончарова Г. Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Галина Гончарова
Отражение
Зеркало надежды

Серия «Колдовские миры»

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

© Гончарова Г. Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Как в город многолюдный я пришла,
Который полем был для битв священных,
Как средь живых и мертвых я была
Меж злых людей, меж раненых и пленных,
Как я была за истину борцом
И ангелом в пещере у дракона,
Как смело, не заботясь ни о чем,
Я шла на смерть, не издавая стога,
И как вернулась я, когда погас
Надежды луч, – то горестный рассказ.

Перси Биши Шелли.

«Возмущение Ислама» в пер. К. Бальмонта.

Глава 1

Матильда Домашкина

«Благословите, боги, зеркало».

Другой мысли в голове у Матильды не появлялось. А Мария-Элена, уверенно забрав власть над телом в свои руки, смотрела на женщину, которая стояла напротив с видом победительницы.

И это – ее мать?

«Господи, благослови зеркало...»

Мать выглядела, страшно сказать, как сильно пьющая бомжиха.

Эта обвисшая туша, эти жуткие кудельки... а запах! Человека, который не привык мыться ежедневно, а то и два-три раза в день. Запах человека, который спокойно ложится спать в одежде и не видит в этом ничего страшного. Запах больного человека, который жрет (не ест, а именно жрет) всякую дрянь, вроде химикатных супчиков, и разрушает себя.

И толстые пальцы рук...

Матильду замутило. Но это – только Матильду. А Мария-Элена была спокойна и доброжелательна. Именно она смотрела на свет через серые глаза Матильды, именно она вежливо улыбалась уголками губ, именно она вскидывала тонкую черную бровь.

– Вы настаиваете, что вы – Мария Домашкина?

– Доченька! – всхлипнула «бомжиха», пытаясь схватить Мотю за руку. – Кровиночка моя...

– Документы предъявите.

– Что?

Голос Малены был настолько холоден и спокоен, что айсберги обзавидовались.

– Документы. Паспорт, СНИЛС, свидетельство о рождении или браке, водительские права... Если вы не помните, когда меня бросили, так я сообщу. В возрасте двух лет. Вы все-рез считаете, что я вас в лицо помню? Без документов я вас не опознаю.

Тетка села, где стояла. Предусмотрительно, на скамейку.

– Да... как же...

– Документы. Или я уйду.

Мария еще раз хлюпнула носом и полезла в безразмерную сумку. Этакая ковровая авоська, из тех, что продаются на любом рынке за копейки и уже через месяц выглядят так, словно под самосвал попали. Щедро украшенная жуткими котятками с людоедскими мордами. Да, и брелок.

Куда же без брелока из самоварного золота?

Или это кистень такой?

Махнешь – улочка, отмахнешься – переулочек... боги, какая же чушь лезет в голову!

На колени Матильде легли несколько бумажек разных цветов.

Мария-Элена аккуратно взяла одну из них кончиками пальцев, развернула.

– Та-ак...

Свидетельство о браке. Между Марией Домашкиной и Германом Вагиным. Понятно, почему мамаша не стала менять фамилию, лучше уж Домашкина.

М-да...

Матильда Вагина...

Замучаешься поправлять паразитов, чтобы ударение на первый слог ставили.

«Так звали твоего отца?»

«Да... Неужели это моя мать?»

«Что это меняет? Даже если и так?»

«Малена... да все меняет! Я себя просто грязной чувствую...»

«Бывает. Держись, Мотя, я тебя в обиду не дам!»

От подруги пришло ощущение тепла и благодарности, и Мария-Элена принялась копаться дальше.

ИНН.

Зеленая карточка – СНИЛС.

И паспорт.

Все на имя Марии Домашкиной. И из паспорта смотрит та же особь, иначе и не скажешь. Конечно, мордочка в паспорте молоденькая, но это – один и тот же человек, без сомнения! Круглое лицо, кудряшки... Матильда точно не в мать пошла. И это к лучшему.

«Она ведь не старая, меня родила лет в двадцать...»

«И так выглядит?»

Малена ужасалась не зря. Это ж надо же! Чай, не Средние века, сейчас дамы в шестьдесят лучше выглядят, чем... эта!

«У нее еще есть дети?»

Малена ловко пролистнула паспорт дальше.

Дети были.

Семен Вагин и Лидия Вагина.

– Почему мне дали фамилию матери, а Семену и Лидии – фамилию отца?

Малена спрашивала с чисто научным интересом. Жизнь этой женщины была ей не слишком интересна, но надо же изучать врага? А что врага – девушки даже не сомневались. Женщина (воспринимать ЭТО матерью у Малены и Матильды одинаково не получалось) замешкалась ненадолго, но ответила.

– Герочка настоял. С тобой... там мать крутила. С ней спорить было сложно, она говорила, что смеяться будут.

«Бабушка...» – грустно вздохнула Мотя.

Малена цыкнула на подругу – не время раскисать, на нас враг идет!

– А потом, когда вы нас бросили и избавились от материнского диктата, вас ничего уже не сдерживало. Понятно...

– Да... ты не ревнуй, я о тебе и вспоминала часто, и приехать хотела...

Улыбка у Марии Домашкиной была сногшибательной в буквальном смысле слова. Редкие зубы перемежались черными дырами. Матильду вновь замутило, и Малена поспешила отвлечь сестренку.

«Я такое только в своем мире видела. Не в вашем».

«У нас стоматологи хорошие. Не все, правда...»

«А почему у нее так?»

«Не знаю. Спроси».

– Будем считать, что вы приехали, – согласилась Малена. – Что дальше?

Глаза у «матери» были удивленные.

– Домой пойдем...

– Простите, куда?

Малена удивлялась совершенно искренне. Что значит – домой?

О каком доме может идти речь, если ты! Бросила! Своего! Ребенка!

Про мать вообще не упоминаем. Кстати...

«Будь жива бабушка, она бы ее из окна выкинула», – подтвердила предположения Малены подруга.

– Д-домой...

Кажется, до женщины начало доходить, что здесь ей не все рады.

– У вас здесь есть дом? Замечательно. Давайте прощаться. Я устала, а вам еще до дома добираться невесть сколько – или вы рядом живете?

Предположение было сделано насмешливым тоном, но мамаша этого даже не поняла.

– Мотенька! Я же...

– Вы же?

«Мотенька?!» – вскипела Матильда.

«Спокойно. Я сейчас разберусь».

– Я же твоя мама...

– Не советую употреблять это слово в моем присутствии.

Тетка схватилась за сердце, демонстрируя, как она поражена отсутствием дочерней любви. Правда, для этого пришлось сильно подвинуть объемистую левую грудь, а то неуверительно получалось. Хотя девушки и сейчас не верили.

– Но это так! Я думала...

– Вы думали, что, явившись спустя столько лет, обретете здесь радушный прием? Зная мою бабушку? Вряд ли... кто вам рассказал про ее смерть?

Взгляд Марии метнулся по окнам первого этажа, остановившись на пластике коричневого цвета.

«Параша!!!» – Матильда не ругалась, просто это были именно что окна тети Параша.

– Ага... И откуда у нее ваш номер?

– Я не теряла вас из виду, – вздохнула Мария. – Я не могла приехать. У Герочки были проблемы...

– И что?

– Он... его несправедливо обвинили в краже!

– И посадили? – повторила Малена подсказанное Матильдой.

Мария смутилась.

– Ну...

– На сколько лет?

– Два года. Но выпустили раньше...

«Понятно. Папахен что-то спер, попался, присел, а эта жена декабриста осталась ему каторгу портить, – подвела итог Матильда. – Спроси-ка вот что...»

– У него один срок?

Мария замялась.

– Эм-м-м...

– Три? Четыре?

– Два!

– Один на два года. Второй? – Мария-Элена решительно дожимала мамашу. – Ну?!

– На четыре. Но это все клевета!

– Кто бы сомневался, – кивнула Малена.

«Начинаю тебе завидовать, – вздохнула Мотя. – У тебя родители просто умерли. А тут... уголовник и кретинка».

Малена поглядела на стоящую перед ней тетку. Иначе и назвать-то не получалось.

Вспомнила свою маму.

Анна-Элизабет умерла. А если бы она превратилась... в такое?

Представить было жутковато. Да и не в превращении дело! Мать ты будешь любить любой. Грязной, зачуханной, пьяной, больной – неважно! Но – МАТЬ!

А каким словом надо назвать бабу, которая бросила родного ребенка и пожилую мать, потащившись за сбежавшим мужем, и пятнадцать лет о себе знать не давала? И бросила, кстати, не в благополучной Швейцарии, а в криминальной России?

С Парашей она созванивалась!

Бабушке было бы так приятно это услышать...

Это – не мать. И все.

– Я правильно понимаю? – мягко уточнила Малена. – Вы поехали вслед за моим отцом. Его посадили, и вы остались неподалеку, ждать его. Потом он вышел. Побыл немного на воле, его опять посадили... За это время у вас родились еще двое детей?

– Да.

– Что сказала бабуля, когда вы ей позвонили?

Вопрос был поставлен остро, как нож. И тон Малены не допускал виляний.

Мария и не стала крутить. Поняла, что вранья дочка не потерпит.

– Бросить его, развестись и возвращаться. Воспитывать дочь.

– Что вам помешало?

– Гера – мой муж! И твой отец, кстати! Он тебя любит!

Девушки весьма сомневались в этом утверждении. Любит?

Ну-ну, колбасу мы тоже любим, но где оканчивается ее путь? То-то же...

– И где же счастливый папенька? Почему я его не вижу?

– Э-э-э-э... дома. С детьми.

– Детьми?

– Сенечке четырнадцать, очень трудный возраст. Лидочке семь. Мы не можем оставлять их одних или на соседей. Чужие люди просто не справятся...

«Похоже, дети неуправляемы, а лупить их нельзя. Вот никто и не соглашается за ними приглядеть».

«Почему нельзя?» – не поняла Малена. В ее мире ювенальной юстиции не было, а подзатыльник, отвешенный нахальному ребенку, грехом не считался. Скорее воспитательной процедурой.

«Это чужие дети. Вони будет...»

«Оно и сейчас пахнет. Нехорошо...»

«М-да...»

– Где вы сейчас живете с семейством?

Название поселка ни о чем не сказало Матильде. Девушка задумалась.

– Так зачем вы, говорите, приехали?

– Я – твоя мама.

Звучало крайне неубедительно.

– Это – не причина, – отрезала Малена.

Мария вздохнула и выложила нечто поближе к правде:

– Мама меня на порог бы не пустила. Но сейчас, когда она умерла, ты можешь поехать пожить с нами, одной семьей.

– Зачем? – удивилась Малена. – Меня здесь все устраивает, и переезжать я не собираюсь.

– Но мы же твоя семья! Мама, папа, брат и сестра...

– Об этом надо было думать раньше.

Тетка явно струхнула. На что она рассчитывала – неясно, но уж точно не на ледяное безразличие и равнодушие.

– Или мы можем приехать к тебе. Познакомиться...

«СУКА!!! – взвилась в глубине души Матильда. – НЕНАВИЖУ!!!»

Малена почувствовала привкус желчи на губах. Подругу становилось все труднее удерживать. Надо было это заканчивать.

– Я считаю, что мы познакомились. В остальном... вы жили без меня больше пятнадцати лет? Можете продолжать в том же духе. Прощайте.

– Мотенька!!!

Малена поглядела на толстые пальцы, вцепившиеся в ее рукав.

– Отпустите немедленно!

– Или что?! Ты моя дочь!!!

Пошли силовые методы. Угрозы расправы и шантаж. Но не тут-то было!

– Или я найду на вас управу.

Если бы это сказала Матильда...

С криком, со слезами, с истерикой... кто бы поверил девчонке? Но сейчас говорила Малена Домбрийская. Наследница крупного герцогства, аристократка до мозга костей...

Малене, в своем теле, достаточно было лишь бровью повести, чтобы солдаты палками прогнали этих людей по городу. И вон с ее земель. Мало того, она бы и не задумалась так поступить.

И это отразилось в ее глазах.

Мария никогда не была особенно умна, но даже она это поняла. И замерла на пару секунд. Этого хватило.

Малена сделала резкий жест рукой, как показывала Матильда.

Вырваться из захвата тоже надо уметь. Обычно люди тянут к себе, преодолевая хватку четырех пальцев, а надо крутануть рукой от себя, так быстрее и проще. Вот и сейчас толстопалая рука словно по волшебству слетела с одежды Матильды, и девушка быстро, почти бегом, влетела в подъезд.

Хлопнула дверь.

Мария осталась во дворе, растерянная и с документами на лавочке.

Как же так? Это же ее дочь?..

* * *

– Ненавижу! НЕНАВИЖУ!!!

Матильда рыдала в голос, и Мария-Элена не знала, как утешить подругу. Не помогала даже Беся, которая, чувствуя настроение хозяйки, мурлыкала вовсю и терлась головой о мокрые щеки девушки, рискуя утонуть.

– Мать!!! Да она меня бросила! Променяла на мужика! Уехала! А теперь, пятнадцать лет прошло, является она!!! Паскуда!!! Люби ее и радуйся!!!

– Мотя...

– А где она была, когда бабуля заболела? Когда мы тут на копейки выживали? Когда я в двенадцать бегала газеты разносила? Когда мы каждую монетку откладывали и одну овсянку жрали? ТВАРЬ!!!

– А чего она сейчас-то приехала?

Малене удалось сбить Мотю с истерического настроения, и вовремя. Слезы еще катились, но отвечала подруга уже осознанно.

– Эм-м-м... не знаю.

– А ты подумай? Твоя бабушка умерла. Я сама с этим столкнулась... Кто все наследует?

– Я.

– А кто об этом знает?

Матильда зависла, как старый пентиум. Потом собралась с мыслями...

– Постой. Я сама скажу. Ты считаешь, что она решила наложить лапку на то, что осталось от бабушки, и потому явилась?

– Тебя это удивит?

– Да ни разу! Вполне возможно.

– У нее это получится? Надо искать законника?

Матильда покачала головой.

– Нет. Бабуля знала, что умирает. И... она ведь знала, что мать жива! Я в этом уверена!

– Почему ты так решила?

– Бабуля хотела несколько раз со мной о чем-то поговорить, точно! Я помню! Но как-то не складывалось, а потом ей вообще плохо стало, последний месяц она была... не как в коме, но что-то вроде. Уже никого не узнавала, не видела...

Малена вздохнула.

Как бы ей сейчас хотелось обнять подругу, прижать к себе и сказать, что Мотя не одна. У нее навсегда есть Мария-Элена Домбрийская. Что бы ни случилось, она не бросит сестренку.

Зеркало не допустит таких вольностей...

Они никогда не протянут друг другу руки, но их души – рядом.

– Я с тобой...

– Спасибо, Малечка. Так вот, бабуля настояла, чтобы оформить не просто завещание.

– А в чем разница?

– Она оформила договор ренты и договор дарения.

– То есть?

– Дарение – на дачу и гараж. Она подарила мне их, как только мне стукнуло шестнадцать.

На совершеннолетие.

– А рента?

– Это дарение за то, что я за ней ухаживаю. Примерно так...

– Не поняла?

– Я ухаживаю за ней до самой смерти, все покупаю, забочусь, а она отдает мне эту квартиру. Мы вызывали нотариуса и все это оформляли... ну, у стряпчего.

– И?

– Разница в том, что это намного сложнее оспорить, чем обычное дарение или завещание. Надо доказать, что я не заботилась о бабушке, а это – нереально. Я с шестнадцати лет работаю по трудовой книжке, ну и раньше подрабатывала, есть места. Могу справки принести об отчислениях... неважно, в общем, доказать, что я зарабатывала не меньше бабушки – дело минуты. Жили мы вместе, по поликлиникам я бегала, по аптекам... да везде!

– Ага... А твоя мать об этом не знает.

– Да все видели...

– Я не про заботу о бабушке, это понятно. Я про договоры.

– Никто не знает. И эта... Параша – тоже! Твари!

– Стервятники. Может, им об этом надо сказать?

– Может, мы слишком плохо о них думаем?

Малена пожала плечами.

– Сложно думать хорошо о женщине, которая так поступила со своим родным ребенком...

– Она же знала, что я с бабушкой, а с той не пропадешь... и тех детей она не бросила?

– Не знаю, Мотя. Искренне – не знаю.

– И что нам делать?

– Разумеется, тянуть. Пусть твоя мать и отец, или кто там, сделают первый ход, а мы посмотрим, что будет дальше. Чего ждать, как поступить, как с ними разговаривать – как с родными или как с подонками.

– Первый ход они уже сделали, разве нет?

– Мы его отбили. Кстати, а где твоя мамаша ночевать будет? Не на скамейке же у подъезда? Узнать бы!

Мотя подхватила и помчалась к тете Варя.

* * *

Соседка у нее была неплохая, ничего не скажешь...

Тетья Варя дружила с бабушкой Майей до последнего дня, ну и по старой памяти опекала Матильду. Выглядело это, правда, грустно.

В свое время муж у тет-Вари умер от рака. Перестройка, то-се, лечить надо было как следует, а не как получалось, ну и...

Не спасли.

Осталась женщина с тремя детьми на руках. Хорошо хоть квартира своя, но трешка ж! Квартплата зверская, зарплата...

Если кто не помнит, в те времена с деньгами было сложно у всех. Кроме воров.

Перебивались с хлеба на воду. Тетья Варя крутилась как сумасшедшая, но поди прокорми троих! Да одень. Да воспитай и удели внимание.

Бабушка Майя, со своей активной жизненной позицией, не смогла пройти мимо.

Трое детей, старшему пятнадцать, он уже от рук отбиваться начал, младшим десять и восемь. А у нее на руках двухлетняя Матильда. Со сбежавшей мамашей-заразой. И как тут быть?

Выход нашелся на даче.

Бабушке Майе как раз от проектного бюро дали участок в симпатичном месте. Речка, лес, земля, правда, паршивая и до города около двадцати километров, но это и к лучшему! Майя отправилась к соседке и изложила ей свой план.

Та пришла в восторг, и дамы скооперировались.

Трое детей? Вот и замечательно, где трое, там и четверо. С утра деточки запикивались в автобус и отправлялись на дачу. Выдавался участок работы, от забора до обеда, выдавался с собой пакет продуктов – сварить-потушить, ну и вперед.

Жестоко?

Ага, тет-Варин сын попробовал что-то такое вякнуть. Наивный... У бабушки Майи и не такие бегать начинали. Мальчишка, стимулированный щедрыми подзатыльниками, исключением не стал. Дури много, сила прет? Лопату в руки – и вперед! Лучше, чем трудотерапия, никто пока ничего не придумал. Поди вскопай шесть соток, да посади картошку, да прополи, да окучь...

А кроме картошки есть еще помидоры-огурцы-перцы, есть еще яблони-груши... а потом урожай пойдет, и собирать-перерабатывать... Куда там дурака валять? Вздохнуть бы!

Теть-Варю бабушка всеми правдами и неправдами устроила на полставки в свое бюро, уборщицей, правда, но и работа была – прийти вечером, махнуть тряпкой. А если что – бабушка ее и прикрыть могла.

Вот и получилось – дети под присмотром, какая-никакая копеечка есть, с голоду не помрем, а все дары огорода складировались в бабушкин гараж, и ключи от него были у обоих хозяек. Иди да бери.

Понятно, что тете Варя больше требовалось, чем двум женщинам, но бабушка к этому не цеплялась. Мотя под приглядом, что еще надо?

А синяки-шишки...

Где вы видели ребенка, который вырос без травм? В стеклянной банке, в спирте плавал? Если только там...

Потом дети постепенно выросли, женились, замуж повыходили, и была тетя Варя сейчас счастливой бабушкой. Уже три раза. Младшая только пока была без детей, аспирантуру окан-

чивала. Кстати, бабушки Майи в этом тоже была заслуга. Знания она вколачивала железно, куда там репетитору, а способности к математике у соседских детей были.

Мотя давно числила семью соседей кем-то вроде троюродной родни. А что? Люди-то неплохие, а что тесного общения не было...

Дети выросли, взрослые приболели, ну и постепенно, шаг за шагом, начали отдаляться друг от друга, да и выживать так уже не надо было. Справились.

Тетя Варя дверь открыла почти сразу.

– Мотя?

– Можно к вам? Пожалуйста...

– Иди, конечно...

Девушка бросилась к балкону, выглянула из-за занавески...

Однако?

Сидит наша блудная мамочка на лавочке, душевно общается с тетей Парашей... интересно, о чем? Полцарства за направленный микрофон!

Нету?

А жаль...

– Что случилось? Ну-ка, рассказывай!

Тетя Варя решительно потащила девушку на кухню, благо окна выходили на ту же сторону. Проследила за ее взглядом.

– Что, Петюня так и вяжется?

Матильда подумала пару минут, но потом все же решилась. Чего уж, все равно все и всё узнают. Скорее рано, чем поздно, учитывая Парашину активность.

– Тетя Варя, а вам вторая женщина на лавочке незнакома?

Варвара Васильевна взгляделась, сощурилась.

– Черт ее знает...

– А если омолодить лет на пятнадцать?

На этот раз в тетку вглядывались дольше. Помогло еще то, что блудная мать встала и под ручку с тетей Парашей направилась в дом! Это ж надо!

Тетя Параша к себе кого-то пригласила!

Луна на землю упала, не иначе. Или Параша выгоду почувала. Варвара всмотрелась пристально.

– Погоди-ка... Машка, что ли?

– Угадали.

Тетя Варя уселась на табурет и выдала такое, из солдатского лексикона, что чуть герань на окне не повяла. Потом накапала себе корвалола, выпила, подумала, накапала валерьянки и заполировала.

– Нет, не помогает. Точно, что ли?

– Документы вроде те самые. Паспорт, ИНН, СНИЛС, у меня ведь мамочка – Мария Домашкина, а папаша – Герман Вагин?

– Майя все время ругалась, что с такой фамилией размножаться не стоит. И с такими мозгами тоже, – машинально ответила Варвара Васильевна, а потом до нее дошло. – Ох!.. И что эта... хотела?

– Дочерней любви, – усмехнулась Матильда. – Была уверена, что я сейчас тут устрою сценку из сериала. Мама, я так тебя ждала! Дай прижаться к твоей груди... к левой или правой, на выбор!

– Ох... ть! Серьезно?

– Вполне.

Тетя Варя только головой покачала.

– Бывают же твари! А что она с Парашей-то?..

– Узнала от нее, что бабушка умерла. И приехала меня поддержать. Пришлось доходчиво объяснить, что я стою на своих ногах и без подпорок.

Тетя Варя мгновенно стала серьезной.

– Как же! То к тебе эта тварь вяжется, теперь мамочку вызвали... где ж она раньше была?

Когда ты тут убивалась на трех работах?

Денег, кстати, тетя Варя Матильде не предлагала. Понимала, что обидит девушку до глубины души. Но с бабушкой сидела и заходила, приглядывала среди дня...

– Говорит, у себя.

– Это – где?

– Чуть не за Уралом. Папашу нашла, брата с сестрой мне родила...

– Та-ак... а вернуться не судьба была? – Тетя Варя мгновенно уловила главное. – Если муж сбежал, а потом не смог... сидел, что ли?

Матильда развела руками.

Опять-таки вины за собой она не чувствовала. Не ее это позор, она папашу лет пятнадцать не видела, даже больше. И смысл скрывать?

Знает тетя Параша – знает вся страна.

– Понятно... Точно, деньги зандобились.

– Подозреваю, что да. Но что я могу сделать?

– Да ничего. Жить спокойно, а если что – зови, помогу. Гошке сказать?

– Пока не знаю. Да и вмешаться ему сложно будет...

Игорь, старший теть-Варин сын, в свое время решил работать врачом и уехал поступать в соседнюю область. Там был отличный мединститут, чуть не с вековой историей. Там же он прошел ординатуру, там же женился, и теперь до двух внуков тетя Варя добиралась раз в две недели, на рейсовом поезде.

– Не скажи. Знакомства у него есть, едут-то и отсюда. А нет – по людям поспрашиваем...

Матильда благодарно кивнула.

– Пока не надо, спасибо. А если что – буду иметь в виду.

– Вот-вот. Учти, если что... И давай-ка чайку попьем. У меня варенье есть, малиновое...

Матильда отказываться не стала. Вкусно же...

Мария-Элена Домбрийская

В карету Малена садилась с тяжелым сердцем.

Как-то там подруга?

Сон свалил Матильду около десяти вечера. Хорошо хоть сновидений никаких не было. Сны, красивые или кошмарные, оказались платой девушек за дружбу, и сегодня они жертвовали ими с особенной радостью.

– Что же с ней делать?

– Ждать. И только ждать.

Матильда поежилась.

Ждать она не умела. Вообще. Бабушка что сама умела, тому и научила, а умела она бороться и идти вперед. Не отступать и не сдаваться. О том, что женщина должна быть мягкой и нежной, уметь выжидать и приспособливаться, Моте не говорили. Наоборот, постаравшись защитить свою дочь от невзгод мира, бабушка Майя сделала все, чтобы не повторить эту ошибку с внучкой.

Матильда давно бы уже не выдержала. Устроила бы скандал, ругалась, пыталась все прояснить...

Мария-Элена по определению не могла так поступить. Не могла скандалить, ругаться, кричать и биться в истерике. Даже от вида Рисойских она просто цепенела. Замирала, замыкалась в себе...

Аристократия?

Да, наверное...

И сейчас это было к лучшему. Малена успешно сдерживала подругу, успокаивая и подбадривая.

– Я бы ей голову оторвала! – честно призналась подруге Матильда.

– Это – твоя мать.

– Это – matka на ножках. Она меня только выносила... матерью мне стала бабушка Майя.

– Все равно. Убьешь – будешь отвечать. Тебе это нужно – сейчас?

– Нет... Может, Антону рассказать?

Малена заколебалась.

– Не знаю. А что он сможет сделать?

– Ну... как с Ниной...

Зрелище Марии Домашкиной, вставленной головой в мусорный бак, на минуту согрело души девушек. Но, поразмыслив, они отказались от этого плана.

Малене не хотелось демонстрировать Антону эту сторону своей жизни. Для всех это – ее мать. И оценивать ее будут не только по собственным качествам, но и по Марии Домашкиной. Кто там будет разбираться, как дело было?

Бросила не бросила... мать у тебя ужасная, вот и ты сама недалеко от нее ушла. Тот же социальный слой. Как ни доказывай, что ты не такая, но если у тебя сестра-шлюха, то и тебя будут честить продажной девкой, если отец – алкоголик, будут ждать, что ты протянешь руку к бутылке, если...

Предубежденность?

А кто сказал, что, изобретя сотовые телефоны, люди стали свободны от своих предрасудков? Одно с другим никак не связано, и даже в век космических полетов человек останется человеком. Не в лучшем смысле этого слова.

Матильда не хотела быть должна. Если у них с Антоном что и будет, то не по чувству благодарности, а по собственному выбору. Лучше уж с участковым поговорить, они с тетей Варей давние знакомые...

Ждать и отбиваться. Отбиваться и ждать.

Но как же это тяжело! Особенно когда тебе всего восемнадцать лет.

Состояние госпожи заметила даже Ровена.

– Ваша светлость, все ли в порядке?

Малена покачала головой.

– Нет.

И... не удержалась.

– Ровена, скажи, хорошая мать может бросить своего ребенка? Погнаться за мужиком, наплевав на малышку...

– Нет...

Ровена говорила таким тоном, что даже Матильда отвлеклась от своих переживаний. И пристально взгляделась в лицо наемницы.

– Нет, ваша светлость. Это не мать, а мразь.

– Вот и я так же думаю.

– А почему вы спросили?

И что-то такое в голосе Ровены было... у нее то же самое случилось? Малена ненароком угадала?

– Одну мою знакомую мать бросила, когда той было около двух лет, – честно призналась Малена, понимая, что если сейчас соврет, дружбы с Ровеной ей не видать. Никогда. А отношения «начальник – подчиненный» – не совсем то, что требуется в условиях королевского двора.

– И что? – напряглась Ровена.

– Ее воспитывала бабушка. Как могла.

Наемница ощутимо расслабилась.

– Мать появилась недавно и потребовала любви. И, наверное, содержания...

– Гнать ее в шею, – резко высказалась Ровена. – Мало ли, кто кого рожал, кошки каждый год по несколько раз котятся. И то котят не бросают. А эта... Такие женщины – не матери.

– У нее вроде как еще двое детей...

– Младше вашей знакомой?

– Да.

– Замечательно! – голос Ровены сочился ядом. – Вот и нянька для ее последующих деток!

«Мы примерно так и подумали», – Матильда была согласна.

– И нянька, и наследство там осталось...

– Бедная девочка, – голос Ровены был полон сочувствия. Искреннего. – Она в столице?

– Нет. Но будет.

– Если от меня нужна будет помощь, обращайтесь, ваша светлость. В такой ситуации девочке придется тяжело.

– Я скажу, когда понадобится. Спасибо.

– Не за что.

– Поверь, человеческое участие стоит дороже любого золота...

Разговор постепенно сошел на нет. Девушки подремывали под монотонное покачивание кареты. Молчала даже Матильда. Она устала от переживаний и сейчас смотрела в окно на зеленые поля, деревья, крестьян... Расслаблялась, исцеляя душу.

Как хорошо, что есть на свете зеркала.

Кто бы ни создал их зеркальную пару, чем бы ни пришлось платить – Матильда уже была согласна. И заранее благодарна.

* * *

Граф Ардонский всерьез оказался настроен на союз с Домбрийскими.

На выбранном им постоялом дворе все было обустроено даже для Ровены. Маленькая смежная комнатка, но с хорошей кроватью. И это говорило о многом.

Хочешь мне понравиться? Гладь мою собачку...

Ровена, конечно, была крупнее собачки, но суть от этого не менялась. Граф хотел дружбы, и Малена решила пойти ему навстречу. Может быть, не в плане брака, но хорошие отношения – в наше время очень немало.

В любое время.

Матильда Домашкина

Проблемы начались с утра. А именно – с тети Параши, которая поймала Матильду во дворе дома.

– Мотенька!

– Матильда Германовна. – Мария-Элена мгновенно перехватила управление, благословляя тот момент, когда они решили пораньше пойти в офис.

Дома из рук все валилось, начиная с ванной.

Сначала выпал из рук и разлился гель для душа, а смыть его с пола – задача для сильных духом. Потом Матильда заехала себе тушью в глаз, а под конец еще и чашка разбилась. Девушка плюнула и удрала на работу пораньше, пока квартира цела.

Завтракать?

Чай на работе попить можно, а есть все равно не хотелось. Матильда и Мария-Элена были полностью солидарны в этом вопросе. Стоило им понервничать – и девушки не могли съесть ни кусочка. Спазмом сводило желудок, до рвоты, до желчи...

Съесть что-то?

Один раз Матильду вырвало на выпускных экзаменах.

Пятерку она получила, но экзаменатор сильно обиделся. А не надо было загораживать дверь и говорить, что не допустишь симуляции на экзаменах. Нечего тут списывать...

Экзамен пришлось перенести в другую аудиторию, а экзаменатора – отправить в туалет. Чиститься.

Так что накормить кошку – и на работу. У Беси-то переживаний нет. Никаких! Ее надо кормить, как и всякое порядочное животное, – почаще и побольше, пожалуйста.

Далеко удрать Матильда не успела, перехватили ее на выходе из двора. И сейчас тетя Параша стояла, раскорячившись так, чтобы ее было вдруг не обойти.

– Ишь ты... не доросла до Германовны-то!

– Вы меня остановили, чтобы это сказать?

Ага, как же...

– Что ж ты делаешь-то! Мать гонишь...

Малена вскинула брови.

– Любезнейшая, по какому праву вы лезете в чужие семейные дела?

– Я ж тебя еще вот такусенькой помню!

– Хоть эмбрионом, – отрезала герцогесса. – Что вам угодно?

– Не по-христиански это...

– В своей семье мы разберемся без помощников. У вас есть еще вопросы?

Тетя Паша начала нервничать.

«Нетипичные реакции, – хихикнула Матильда. – Она ж меня и правда знает. Я бы ее давно послала, а тут такие цирлих-манирлих...»

«Плевать», – отрезала набравшаяся от подруги нехороших слов герцогесса.

– Что ж ты мать-то выгнала вчера?

– Я не обязана вам отчетом в своих поступках.

– А я вот сегодня к участковому пойду! Не по-человечески это, чтобы дочь родную-то мать из дома гнала...

– Сделайте одолжение.

– Ишь ты, бескультурница...

– Ваше мнение для меня чрезвычайно ценно, – отрезала Малена.

И уступила управление Матильде.

Девушка ловким движением обогнула толстую тушу.

– Салют!

И помчалась по улице, что тот спринтер.

Тетя Параша посмотрела ей вслед со злобой, пробормотала какие-то ругательства, но этим все и закончилось.

Или началось?

* * *

В офисе Матильду ждал очередной презент от господина Асатиани.

Фиалки и плюшевый кот. Рыжий, со зверской мордой, скорее всего – Гарфилд.

Малена вздохнула, подхватила все добро и отнесла в соседний кабинет. И наткнулась там на Евгению.

– Привет!

– Привет! Какая киса!

– Нужен? Бери!

Положа руку на сердце, от серого, в цвет Беськи, котенка, было бы куда сложнее отка-
заться. Видимо, котовладельцы чем-то от своих зверей все же заражаются...

– А давай. Не все ж Нинке...

Малена спокойно вручила Жене презент.

– Держи.

– Тебе он совсем не нужен?

– Абсолютно.

– И не нравится он тебе никак?

– Вообще...

Малена не врала, и Женя это видела. Голос был равнодушным, глаза спокойными, руки не перебирали платье...

Ей правда был безразличен Давид.

– Он красивый...

– С удовольствием отдала бы тебе это сокровище.

– Не пойдет... Он с Леркой-то вчера не пошел.

Малена ухмыльнулась. Неожиданно этот факт был приятен. Хотя...

– Конечно. Там, где охотятся – не гадают, а терпеливо ждут в засаде.

Теперь уже фыркнула Женя.

– Так себе и представляю, как Давид метит нам стену!

– Задрав хвост, – подсказала Малена. – Рыжий, как у этого кота.

– Тогда уж черный. Но пушистый.

Девушки рассмеялись, и секретарша отправилась на свое рабочее место, заваривать чай.

Шеф был уже на месте, судя по открытому кабинету... легок на помине! Выглянул на возню...

– Малена, зайди.

Малена послушалась. Антон развалился в кресле и смотрел на нее с интересом.

– Долго ты Додика мучить будешь?

«Они что, сговорились?!» – взорвалась Матильда.

Малена прищурилась.

– Простите?

– Он мне всю работу срывает, паразит. Лерка сегодня точно не выйдет, вчера она так нализалась в «Колбасе», что смотреть жуть брала...

«Интересно, а откуда Антон это знает? – Матильда не дремала. – Небось сам там был?»

Малена пожалала плечами.

– Антон Владимирович, что я должна сделать?

Антон замялся. Как-то под этим взглядом не выговаривалось: «дать Додику во всех позах, чтобы отвязался».

– Эм-м-м... может быть, сходишь с ним куда-нибудь?

– Это официальное распоряжение?

– Это пожелание.

Малена развела руками.

– Простите. Господин Асатиани не в моем вкусе.

– А тебе его есть и не надо, здесь не Полинезия.

Малена выслушала с тем же вежливым интересом. Антон покачал головой.

– Что, совсем никак?

Малена покачала головой.

Никак. И вообще, что значит – легче дать, чем объяснить? У кого-то там засвербело? А она при чем? Где-то прописано, что она обязана ложиться с каждым самцом, которому захочется?

Щаз-з-з!

Право мужчины – захотеть. Но право женщины – отказать. Не нравится? Не мои проблемы.

– А если для здоровья?

– Предпочитаю физиотерапию.

– Ладно, – махнул рукой Антон, осознавая, что секретарша у него – единственная неподдающаяся чарам господина Асатиани (или его денег?). – Сделай мне кофе, а? Башка гудит...

Малена кивнула и пошла делать кофе.

* * *

Звонок настиг ее в обеденный перерыв.

– Мотя, проблемы.

Тетя Варя времени на приветствия и разговоры о погоде не тратила.

– Что случилось?

– Тут на площадке сейчас весь кагал, твоя мамаша, Параша с сыном, участковый...

– И чего им надо?

– Требуют вскрыть твою квартиру.

– ЧТО?! – вскипела Матильда.

Малена тут же перехватила контроль, не давая подруге сорваться в откровенную брань.

– Якобы она, твоя мать, была здесь прописана, сейчас что-то там наследует... Приехать можешь?

Малена прикусила губу. Подумала пару минут...

– Тетя Варя, вы не могли бы дать трубку участковому?

– Сейчас, детка...

Девушки вслушивались в шум, несущийся из телефонной трубки.

Шаги.

Щелчок замка.

Гвалт голосов, которые сложно различить, и один резкий, тети-Варин:

– Семен Семенович, подойдите к телефону, пожалуйста. Поговорите перед вскрытием замка с законной владелицей квартиры.

Шум скакнул сразу на сотню-другую децибел.

Плаксивый голос – мамашин. Визгливый и пронзительный – Парашин. Басок – это Петюня. Твари!

«Мы им не спустим, – успокоила подругу Малена. – Обещаю. Но выиграет лишь хладнокровный».

«И в кого ты такая умная?» – буркнула Матильда.

«В маму».

В трубке послышался голос участкового. Семен Семенович опекал их двор уж лет десять, и Малену знал. А уж ее бабушку-то...

– Добрый день, Матильда.

– Добрый.

– Что ж ты мать-то домой не пускаешь?

Матильда ощетинулась.

Малена сообразила, что в голосе мужчины звучат иронические нотки, и чуть успокоилась.

– А вы мне хотите дверь сломать?

– Я что – на дурака похож?

– Нет...

– Мотя, сломать тебе дверь можно. Но! Твоя мать не прописана в этой квартире. Она только наследница...

– Нет.

– Почему?

– На квартиру бабушка оформила договор ренты. На все остальное имущество написала на меня дарственные. Вплоть до сковородок.

– То есть?

– Еще при жизни все подарила мне. У нее же Паркинсон нашли, когда мне было лет пятнадцать...

– Ну да. Я помню...

– Вот тогда она и пошла по адвокатам. Когда мне исполнилось шестнадцать, она меня прямо в день рождения потащила к нотариусу, там была комиссия какая-то... Я плохо помню, но бабушку признали психически здоровой.

– Вот даже как...

– Да. Это все есть – и у меня какие-то бумаги, и у нотариуса должны быть копии... Наверное. Я точнее не знаю. Но бабушка все оформляла очень дотошно.

– Это хорошо... А квартира у вас приватизирована?

– Да. Вот как бабушка заболела, ей пришлось уволиться, она и занялась.

– То есть твоя мать...

– Когда шла первая волна приватизации, меня еще на свете не было, а бабушка потеряла все доверие к правительству. Сказала, что она по их правилам играть не будет, и ничего не делала. Да и некогда было, выжить бы...

– Понятно. Юридически твоя мать – никто?

– Она моя мать. Биологически. И все. Если это она, конечно...

– Ты ее...

– Пятнадцать лет не видела, не слышала, и еще бы столько же не встречаться. Я и сейчас в шоке. Как можно было себя так довести?

Участковый только хмыкнул в ответ на наивное заявление.

– Да вот так. И не такое видывать приходилось.

Матильде не приходилось. А для Малены, напротив, это было логично. В ее мире женщины и помоложе могли хуже выглядеть.

Плохая пища, тяжелые условия, пара плюх в день от супруга...

– А мне сейчас что делать?

– Ну, дверь вскрывать никто не будет, сама понимаешь.

– А вы...

– Я? С чего бы? Ни у кого таких прав нет. Но ты вечером бери копии документов и подходи ко мне?

– Куда?

– На Новосельскую. Где мы сидим, представляешь?

– Нет.

– Новосельская, шестнадцать. Скажешь, что ко мне. Тебя во сколько ждать?

Малена прикинула.

– Не раньше семи.

– Вот на семь я эту компанию и приглашу. И... Матильда, я, конечно, знать не хочу ничего. Так что не отвечай. Но если у тебя все оригиналы документов дома, стоит их куда-нибудь перенести. Хотя бы и в банковскую ячейку. И ключ хранить у сердца.

– Спасибо, Семен Семенович, – искренне поблагодарила Матильда.

А ведь и правда...

Вот так придут, сломают дверь... доказывай потом.

А с бабушкиной смерти еще и полугода не прошло. Как же гадко!

* * *

Матильда была в таком душевном раздрае, что руководство на себя пришлось взять Малене. Герцогесса отлично справлялась, печатала, отправляла факсы, принимала посетитель, варила кофе, успокаивала подругу...

Вечером они с такой скоростью удрали с работы, что даже джип не заметили. Давид, который хотел было выйти и что-то сказать, не успел за ручку взяться. Малена пронеслась с такой скоростью, что спринтеры могли бы только завистливо вздохнуть.

Мужчина подумал несколько минут, а потом завел мотор и поехал в знакомый двор. Может, там представится случай поговорить?

* * *

Дома Матильда схватила сумку с документами.

Да, именно сумку, в которой лежало несколько толстых папок, подписанных именами. Ее и бабушкиным.

Случись пожар, все в одном месте, схватил на плечо да и выбежал. Это бабушка так устроила.

В эту же сумку отправились бабушкины золотые часы, два кольца, серьги с изумрудами и медальон. Все достаточно дорогое, золотое, тяжелое. Бабушка дешево не уважала ни в каком виде и считала, что золото в семье должно быть на черный день. Придет край – продать можно.

Матильда была с ней согласна. Носить ей это не хотелось, но и оставить в доме?

Ну уж нет!

Сбербанк!

* * *

Давид искренне удивился, когда увидел Матильду не входящей в подъезд, а выходящей из него. В том же рабочем наряде, но со спортивной сумкой на плече. И – не удержался.

– Подвезти?

Матильда могла бы согласиться, но Малена не собиралась церемониться.

– Благодарю. Вынуждена отказаться.

Через дворы она до Сбербанка добежит за пять минут, на машине будут все двадцать. Да и ни к чему это...

Многие горести – от многих знаний. Позаботьтесь о ваших близких, пусть не горюют. А о дальних – тем более.

Давид и мяукнуть не успел, как Матильда исчезла во дворах. И что теперь? Догонять ее? Или...

Или – выглядело куда как привлекательнее.

Давид завел машину и решил проехаться по окрестностям. Может, и найдет кого порасспросить? С кем Матильда живет, дружит, может быть... встречается?

А ведь и такое возможно. И тогда объяснима странная холодность девушки...

* * *

Матильда тем временем оформляла на себя ячейку в Сбербанке.

Да уж, недешево стоят подобные услуги. Но и не настолько дорого. Так что сумка с документами заняла свое место в уютном симпатичном сейфе, а ключ Малена, поколебавшись, повесила на шею. На цепочку.

Нет, не с крестиком. Вот уж чего бы бабушка Майя, пламенная коммунистка, никогда не допустила, так это всяких крестов-образков. Но и у Матильды были свои реликвии.

На цепочке висел маленький, размером с вишенку, медальон. Гладкий, закрытый. Бабушка Майя все собиралась сходить к ювелиру да разобраться, как он открывается, но не собралась вот...

Он достался отцу Майи от его матери, а той от ее отца... одним словом – древность. А учитывая, что материал был – золото, да и цепочка старинная, хорошего исполнения...

Матильде бабушка его отдала, когда девушке шестнадцать исполнилось. Та и носила вместо крестика.

Может, правда сходить к ювелиру?

А, время терпит!

И Матильда помчалась через дворы к зданию УВД.

* * *

Как выглядят внутренности полицейского участка?

Вход. Потом турникет, который открывается изнутри, и аквариум с дежурным. К нему Матильда и обратилась:

– Я к Никанорову, он меня должен ждать.

Дежурный, толстощекий молодой человек, который только что вороватым движением спрятал под стол огурец, одарил ее вполне себе коровьим взглядом. Спокойным и отстраненным, такому хоть небо на рога падай.

– Фамилия?

– Домашкина. Эм Гэ.

– Паспорт.

Получив просимое, дежурный что-то записал в толстенном журнале, потом снял трубку внутреннего телефона.

– Никаноров у себя?

Выслушал ответ, кивнул и махнул рукой Матильде.

– Двести двенадцатый кабинет.

– Спасибо.

Матильда прошла через турникет, металлоискатель и решетку – поочередно, и поскакала вверх по лестнице.

– Малечка, возьми контроль?

– Давай.

– Боюсь, не сдержусь.

– Сестренка, ты знаешь, я тебе помогу всегда.

– Тогда... лови!

Малена перехватила контроль над телом и тут же остановилась.

- Ты чего?
- Я – Домбрийская!
- Но я-то нет?
- Это не повод прибегать взмыленной лошастью! Где зеркало?
- Зануда. В сумке, в левом кармашке.
- Вот и отлично. Расческа...
- Оно же и расческа. Складное.
- Замечательно!

И ее светлость принялась приводить себя в порядок.

Вдох-выдох, чтобы кровь отхлынула от лица, а дыхание успокоилось, посмотреться в зеркало, убрать разводы от туши под глазами, здесь не цирк с очковыми медведями, волосы пригладить и заново стянуть в хвост...

Вот так.

И к двери кабинета подходит уже не взмыленная соплюшка, нет. В дверь кабинета властно постучала наследница рода Домбрийских.

Как это много значит! Осанка, поворот головы, выражение лица, движения тонких рук...

Не столь важно, во что ты одета, дворяне и в лохмотьях оставались дворянами. Но внутреннее достоинство, которое заставляет тебя расправлять плечи...

Я – Домбрийская.

И улыбка. Легкая, вежливая, чуточку надменная...

Я оказываю вам любезность, придя сюда. И мы все об этом осведомлены. А потому – держитесь в рамках, господа!

Мария Домашкина сидела у стола Семена Семеновича и выглядела откровенно жалко и гадко.

Нищенская одежда, плаксивое выражение лица, какие-то бумаги, разбросанные на столе, толстые пальцы с коротко обрезанными ногтями, вцепившиеся в сумку и неприятно шевелящиеся, словно опарыши...

Матильда выглядела гораздо лучше. Но внешность ведь не главное, главное – карты? Карте место!

– Добрый день, Семен Семенович, Мария Ивановна.

– Мотенька! – возопила означенная Мария Ивановна.

– Попрошу без эмоций! – рявкнул Семен Семенович, догадываясь, что ничего толкового он не услышит. – Матильда Германовна, присаживайтесь.

– Благодарю.

Аристократы не разваливаются на стуле всем организмом. Они присаживаются с выпрямленной спиной, примерно на половину сиденья. Сумка занимает свое место на спинке стула, руки спокойно лежат на коленях, голова чуть склонена набок, на лице внимание и сосредоточенность.

– На вас тут заявление поступило.

Молчание. Только молчание.

– Мария Ивановна Домашкина жалуется, что вы ее не пускаете домой...

Малена молчала. Пусть выговорятся.

– На жилплощадь, которая после смерти ее матери должна принадлежать ей. И еще не поздно вступить в наследство. Вы можете что-то сказать по этому поводу?

– Разумеется, Семен Семенович. На момент смерти у моей бабушки не было никакого имущества, соответственно, ее дочь ничего не наследует. Более того, я не понимаю, что нужно этой женщине на *моей* жилплощади.

– Как – не было?! – возмущенно возопила Мария Ивановна. – Да у мамы всю жизнь была квартира, вот эта самая! И дача у нее была, и гараж...

Малена слушала с выражением вежливого интереса. Потом протянула руку за сумкой.
– Прошу приобщить к делу.

И выложила на стол документы.

– Дарственные. На все вышеперечисленное. Договор аренды. Это копии, но заверенные. Семен Семенович пробежал глазами документы.

Мария Ивановна глотала воздух, как будто он внезапно закончился в кабинете. Или – не внезапно?

«Не дай бог, я в нее пойду», – вздохнула Матильда.

«Ты – уже не пойдешь, – утешила подругу Малена. – Молись за детей».

Матильда представила, что ее ребенок станет вот таким... и девушку реально затрясло.

«Ни за что! Сама пришибу! И будет это ударом милосердия!»

Малена ответить не успела. Читал Семен Семенович быстро.

– Ну, что я могу сказать? Мария Ивановна, судя по документам, претендовать вы ни на что не можете. Ваша мать, Майя Алексеевна Домашкина, подарила все своей внучке. Можно, конечно, подавать в суд, дело ваше...

– Как – подарила?!

Толстые пальцы выхватили бумаги, тетка – девушка органически не могла воспринимать ее мать – вчиталась, нещадно мусоля указательный палец...

«Обязательно оставлю это здесь, – поморщилась Малена. – Коробит».

«Да уж. Хорошо, копии есть, а то я бы оригиналы хлоркой протирала, – поддакнула Матильда. – Ишь ты, гадина, приперлась она из своего Помойкина! За наследством и любовью! А не дождется!»

До Марии доходило минут на пять дольше, чем до участкового, но все же...

– Н-но... как же так? Мама не могла так поступить! Она была не в себе...

– Там есть и заключение врачей. – Малена не собиралась никого щадить. – Бабушка была абсолютно нормальна.

– Это ты ее настроила! Ты!!!

– Против дочери, которую она пятнадцать лет не видела?

– Я маму любила!!!

Малена посмотрела на участкового. С ее точки зрения, дискуссии здесь были неуместны.

– Семен Семенович, я вам еще нужна? У вас есть еще какие-то невыясненные вопросы?

Участковый покачал головой и ухмыльнулся. Весело и ехидно, так, чтобы Мария не заметила. Та и не заметила, сидела, вертела бумаги и обтекала, иначе не скажешь.

Стремление заживой ей обкромсали по самые уши.

– Нет, Матильда Германовна. Вы можете идти. До свидания.

– До свидания.

Подняться, попрощаться со всеми присутствующими вежливым наклоном головы и выйти, пока не разразилось.

И уже из-за двери.

– Ах ты...

И голос участкового.

– Мария Ивановна, послушайте меня. Все права у Матильды Германовны...

Дальше Малена подслушивать не стала. И медленно пошла вниз по лестнице.

– Какая ж бабуля молодец!

– Она тебя защитила, – грустно вздохнула Малена. Без зависти, близким не завидуют, но с тоской. И Матильда поспешила ее утешить:

– А тебя защитил отец. Насколько смог.

– Женившись на этой суке!

– Судя по завещанию, он потом пожалел. Иначе назначил бы ее твоей опекушкой.

Малену аж передернуло от такой мысли. Но...

– Он меня отправил в монастырь.

– А думаешь, Лорена бы тебя пощадила? Или отравила, или еще чего...

– Вполне вероятно. Интересно, что она сейчас делает?

– Судя по времени – спит.

– А что будет делать, когда проснется? – Малена решила отвлекать подругу и дальше.

– Если не дура...

– А мы в этом уже убедились...

– То поедет в столицу.

– И мы с ней там столкнемся, – мрачно заключила Малена.

– Учтем и будем осторожнее, – припечатала Матильда. – Интересно, это все?

Ага, как же!

На улице, облокотившись на стену здания и покуривая на редкость вонючую сигаретку, ждал Петюня.

* * *

При виде Матильды сей достойный представитель рода ишачьих чрезвычайно оживился. Выкинул щелчком сигаретку, сплюнул под ноги и раскинул в стороны руки.

– Мотя! Радость моя!

Малена выпрямилась.

– Ага... Петюня, зайчик, солнышко, рыбка...

Лицо парня все сильнее расплывалось в широкой улыбке, но Малена не собиралась давать ему спуску.

– Ты всерьез считаешь, что после такой подставы я к вам ближе чем на километр подойду?

Лицо парня выразило недоумение.

– Какой подставы?

И ведь не врал, просто был слишком туп для тонкой иронии Матильды.

– Объясни матери, что я разобралась, кто навел на меня эту... р-родительницу. Я очень благодарна ей и при случае выражу свою благодарность в доступной форме. Я внятно выразилась?

– Эм-м-м...

– Ничего, передай, как запомнил.

Выглядела Малена настолько разъяренной, что дошло даже до дурачка Петюни. Он поежился, не рискуя задержать девушку, и проводил ее взглядом.

– А чего мы сделали-то такого? А?

Вопрос остался без ответа.

Кипя, словно чайник, Малена удалялась в сторону дома.

– Может, нам спортом заняться?

– Чем?

– Ну, боксом, к примеру?

– Это как?

Матильда спроецировала подруге картинку: она, в боксерских трусах и майке-алкоголичке, яростно лупит по груше, на которую прилеплена фотография Петюни.

Малена поежилась.

– Думаешь, стоит?

Матильда подумала минуту и заменила картинку в боксерских перчатках на картинку с бейсбольной битой. Потом поменяла ее на саперную лопатку, а то непатриотично.

– Как-то мне эта перспектива не нравится. А какие еще варианты?

Мотя задумалась о карате, дзюдо, стрельбе, причем из пистолета, арбалета и лука – поочередно, потом о метании ядра в цель...

До плавания дошло далеко не сразу. Но идея утопить всю честную компанию Малене понравилась:

- Всегда мечтала научиться плавать.
- Так за чем же дело стало?
- А... можно?
- Конечно! Куплю купальник – и в бассейн!
- Купальник?

В ответ на картинку с мини-бикини Малена зажмурилась и затрясла головой, едва не встретившись со столбом.

- Нет! Не надо! Молчи! Не хочу это видеть... А у вас правда такое носить можно?
- Да.
- На людях?

– Я тебе сегодня покажу «Спасателей Малибу». Тогда поймешь, что можно, а что нельзя.

Фильм Малене понравился. Но на бикини она все равно не согласилась. Только закрытый купальник. Не стоит слишком рьяно демонстрировать себя, это непристойно!

Матильда спорить не стала. Как ни странно, вкус у герцогессы был лучше, чем у нее. И чувство стиля тоже. А раз так... Прислушаемся.

И то сказать...

Что такого принципиально нового может продемонстрировать женщина? Чего там мужчины не видели, если брать общую анатомию? Все видели. А раз так, возможно, имеет смысл не открываться, а закрываться. Пусть гадают, вдруг там есть что-то новенькое?

С этой мыслью Матильда и отправилась спать. То есть наблюдать за подругой и лишний раз благословлять зеркала за то, что они есть.

Что бы она сейчас делала без Малены?

Бог ли, дьявол, и чем там придется платить...

Иногда любая цена кажется невысокой.

Глава 2

Рид, маркиз Торнейский

– Привет, братик.

Остеон улыбнулся младшему брату, который без стука вошел в кабинет, отстранив секретаря.

– Ваше вели...

– Рид!

– Извини, привычка.

– Тогда привычно налей себе вина.

– А тебе?

– А мне такие радости не грозят, – вздохнул Остеон.

– Ост?

– Желудок болит. Сильно.

– Может, травы какой заварить? У нас на границе травницы есть, хорошие...

Остеон махнул рукой.

– Джель успокоился?

– Куда там! Ходит, фырчит, что тот еж.

Его величество усмехнулся.

– Ладно, успокойся. Никуда не денется.

– Что тут у тебя интересного и когда я смогу вернуться на границу?

– Письма, как обычно. От Риния, от Самдия...

– И?

– Шарлиз Ролейнская прибывает первой. Через месяц, плюс-минус дней пять, примерно так.

– А Джель?

– Дилера Эларская будет через два-три месяца. Даже чуть позднее. Она пока еще не выехала, что-то там с приданным... сам понимаешь, Элар.

Рид понимал. Эларцы очень трепетно относились к договорам и к своему карману. Если они что-то обещали, то можно было не волноваться – все будет исполнено. Но педанты...

Сейчас это было только на руку Аллодии.

– Как раз и скандал утихнет, и Джель успокоится.

– Риний в курсе, сам понимаешь. Намекает в письме, что если подобное повторится...

– Джель извлек урок из случившегося. – Рид не был до конца уверен, но племянника прикрыть постарался.

– Будем надеяться на лучшее, – вздохнул Остеон. – Вот ведь... ему править, а он штаны не может удержать завязанными!

– Были и мы молодыми, – театрально вздохнул Рид.

– И? – заинтересовался Остеон.

– Ну... бывало всякое. – Рид расплылся в улыбке, вспоминая дочку мельника. И папашу, который гонялся за ним с вилами и ткнул бы точно, плевать, что маркиз... И кухарку, с которой они тесно общались под столом, благо вышитая скатерть позволила относительно уединиться...

Остеон покачал головой.

– Коты мартовские. Женить вас надо!

– Хорошо хоть не кастрировать.

Остеон посмотрел так, что Рид поднял вверх руки.

– Понял-понял! Молчу, я вообще благочестив, как сам Брат.

– Побогохульничай мне еще...

Рид мило улыбнулся и развел руками.

– Если что – я каюсь буду. Авось грех и отпустят, ибо больше радости Брату с Сестрой об одном грешнике раскаявшемся, чем о сотне праведников, кои впали в грех гордыни.

Учитель богословия при королевском дворе свой хлеб даром не кушал.

– Есть в чем каяться? – Остеон доверял брату, но ведь и сыну доверял тоже! Джель себе позволил выходку, вдруг и Рид что-то отмочит?

Рид задумался.

– Лофрейнские нам могут доставить неприятности?

– Нет. Ты кого из них огулял?

– Диану.

– А, эта... пусть ее.

По долгу короля Остеон знал о всех придворных куртизанках. Не огуливал, конечно, брезговал, но знал, кто и чем дышит. Мало ли кого использовать придется? Диана, конечно, в их стройные ряды пока не влилась, но стремилась. И упорно работала над собой и окружающими мужчинами.

Что ж, тоже дело нужное...

Рид кивнул. И даже улыбнулся, вспомнив сегодняшнее пробуждение – на смятых простынях, с красавицей под боком. Вот еще бы говорила она поменьше, а то ведь рот только одним способом ей заткнуть можно... ладно, двумя. Балаболка!

– Проблем не будет?

– Не ты первый, не ты последний. Муж все знает, просто ему так удобнее. Дуэли или наемников можешь не опасаться, к-котяра.

Рид показно невинно улыбнулся.

– Я хороший...

– И чего тебе нужно, хороший?

– Почему сразу – нужно?

– Так я и поверю, что ты пришел помочь мне в бумагах копаться, – огрызнулся Остеон. Брата он отлично знал и понимал, что того осенила какая-то идея.

Авось не слишком опасная.

– Ну... – Рид выглядел не особенно виноватым. – Ост, я тут с ума схожу.

– И?

– Можно я поеду, встречу Шарлиз?

– Хм-м...

– Возьму с собой приличный эскорт...

– Человек сто гвардейцев.

– Дядюшку Стива, который нас с Джелем меч учил держать, он тоже загрузил...

Остеон недолго подумал, а потом согласно кивнул.

– Давай. Ты как поедешь?

– До Арвеста, а потом к Инкору. Вдоль Интары, через Равель.

– Езжай.

Остеон и не подумал сопротивляться брату или запрещать.

Рид – не придворный. Ему удобно в седле, в походе, в битве... и пока жив брат-король, у него есть такая возможность. Пусть развлекается. Это одна из причин.

Вторая – выказать уважение к соседям, в преддверии намечающегося союза это не лишнее.

Третья же...

Его величество искренне желал брату только добра и счастья. При дворе Шарлиз наденет маску, подготовится и предстанет во всем блеске. А вот так, неожиданно...

Пусть брат посмотрит, кого берет в жены. Если у них не срастется, для Ролейнской найдется другой муж. Конечно, долг для Рида превыше всего, но быть на всю жизнь привязанным к смазливой стерве или круглой дуре, к примеру?

Нет, такого Остеон брату не желал.

Так что на следующее утро дворец покинули сто гвардейцев под командованием брата короля. Они собирались проехаться по Аллодии и встретить Шарлиз Ролейнскую на границе, у крепости Инкор.

Мария-Элена Домбрийская

– Ваше сиятельство.

– Ваша светлость...

Граф Ардонский и герцогесса переглянулись и обменялись улыбками.

– Дядюшка Астон, вы отправили письмо в столицу?

– Да, Малена. На всякий случай – нескольким людям.

– Они надежны? Поймите меня правильно, дядюшка Астон, я верю в ваши таланты, но я всего лишь девушка. И я волнуюсь...

Астон улыбнулся.

– Мария-Элена, доведись мне пережить столько же, сколько вам, я бы, наверное, с ума сошел. А вы держитесь великолепно. Что касается моих людей... Я не стану вам пока называть имен, но расскажу о них.

– Замечательно!

– Один из них вращается в высшем свете. Есть такая порода людей, которые не могут жить без балов, приемов, охоты...

– И при этом всё обо всех знают, и в какой-то момент такие люди – незаменимы?

– Именно. Второй – рангом пониже. Вы слышали о королевских дознавателях?

– Дядюшка Астон, ну что я могла слышать в своем монастыре?

– Примерно лет тридцать назад его величество Аррель учредил департамент дознания. «Полиция?» – заинтересовалась Матильда.

– А чем они занимаются? – принялась уточнять у графа Малена.

– Есть вещи, которыми надо, увы, заниматься.

– Шпионы? Враги королевства?

– Эти проходят по ведомству департамента иностранных дел, – отмахнулся Астон Ардонский. – Но иногда... в жизни бывает всякое. Случаются убийства, тяжбы за наследство и прочее...

– И их расследованием занимается этот департамент?

– Да.

– Такие люди должны много знать...

– Один из этих людей мне обязан.

Малена не стала спрашивать – чем, она просто посмотрела восхищенным взглядом.

– Дядюшка Астон, я в вас не сомневалась. Если ваш сын такой же умный, как и вы... влюблюсь! Честное слово!

Астон отечески улыбнулся девушке. Он прекрасно все понимал, но даже дружеские отношения – уже неплохо. А там...

Если получится – он выдаст Марию-Элену замуж за Динона. Нет? Всегда можно заключить договор на внуков... да и хорошие отношения с соседями, и прямая выгода...

– Поживем – увидим, не так ли?
– Дядюшка Астон, скажите, а среди ваших знакомых в столице никого нет из простонародья?

Эту идею подсказала Малене Матильда. И она имела определенный успех.

– А зачем?

– Если есть кто-то, кто может устроиться на работу в дом Домбрийских...

Граф удивился совершенно искренне.

– Это можно устроить. Но зачем?

– Дядюшка Астон, ведь моя мачеха... я буду очень удивлена, если Рисойские сейчас не мчатся в столицу. И им потребуется полный штат прислуги. А это те люди, которых не замечают. Они все видят, слышат, могут рассказать, но слугам почему-то совершенно не уделяется внимания. А если у нас будет кто-то свой в доме...

– Нам смогут рассказать, кто друг, а кто враг, кто будет шпионить в пользу вашей мачехи, кто ворует, – сообразил благородный граф, совершенно по-простонародному потеряв руки. – Малена, будь я лет на двадцать помоложе – я бы плюнул на все и украл вас! Даже из храма!

Астон прикинул все блага, которые ему сулит эта идея, и исполнился... ну, не восхищения, но одобрения – точно. Его бы дочери подумали о слугах?

Да нет! И Астела, и Даранель искренне считают, что слуга – это такая одушевленная вещь. С которой что хочешь, то и делай. А ведь они действительно – рядом. Все видят, слышат...

– Мария-Элена, я напишу в столицу, своим знакомым. И у нас будет как минимум двое-трое своих людей в вашем доме.

– Причем о ком-то не буду знать даже я? – чуть-чуть пококотничала Мария-Элена. – Дядюшка Астон, будь я лет на десять-пятнадцать постарше, я бы ни перед чем не остановилась. И бросилась бы вам на шею...

Граф весело рассмеялся и поцеловал руку девушки.

– Малена, вы чудо.

Ответом ему была сияющая улыбка.

– Ну, своего он не упустит, – заметила Матильда.

– И доверяться ему глупо.

– Но больше пока некому. Вот ведь беда...

Малена только вздохнула в ответ.

Монастырь. И этим все сказано. Там были и девушки из знатных родов, но... о, это вечное «НО»!!!

Это – гадючник. Это вечное кто кого подсидит, кто подсмотрит, кто наябедничает, это место, которое выявляет худшие качества в воспитанницах. И особых подруг у Марии-Элены просто не было. Герцогесса же... Из благородных и с некоторыми привилегиями, а потому особенно ненавистная.

Поэтому обратиться было не к кому, оставалось лишь держать ушки на макушке. А больше всего угнетало, что Мария-Элена не знала ничего о Рисойских. Предполагать могла, а вот знать...

Рисойские были в том же положении, но у них было больше опыта, возможностей и... чего уж там! Желания призвать отбившуюся от рук падчерицу к ответу.

А вот получится ли у них это осуществить?

Малена не знала. Но Матильда неутомимо лазила по интернету в поисках рецептов.

Яды, противоядия, оружие... смешно?

Пусть! Хорошо смеется тот, кто смеется последним. И – без последствий.

А Матильда еще добавляла, что никогда! Никогда не знаешь, что тебе пригодится, когда пригодится и каким образом! Поэтому знания – наше все.

Интересно, ФСБ не заинтересуется таким активным пользователем?

Да вроде бы не должна, она ж не рецепт тротила ищет... а ведь и этим заняться стоит?
– Мотя, ты не перегибаешь палку?
– Знаешь, когда мы встретимся с Рисойскими, как бы не оказалось, что я ее еще и недогнула.

Малена не стала спорить. В чем-то она безоговорочно признавала главенство Матильды.
– Хорошо.

И девушки принялись за завтрак. А Рисойские?

Подождут!

Лорена Домбрийская

Матильда угадала. Или Малена?

Сейчас Лорена ехала верхом, искренне мечтая придушить падчерицу.

У нее болели ноги и спина, у нее растрепались волосы и испортилась кожа, у нее вся одежда пропахла мерзким конским потом, она чувствовала себя совершенно ужасно.

Но так было быстрее.

Силанта тоже хныкала, плакала и жаловалась, но Лорена была безжалостна.

Верхом, и только верхом.

Нет?

Приедешь потом. Верхом быстрее, чем в карете, а это имеет сейчас первоочередное значение. Лорене надо оказаться в столице быстрее падчерицы, и она там окажется. Малена приедет на ее территорию, и уж тут...

Мысль о том, что один раз это уже произошло и в выигрыше осталась вовсе не Лорена, женщина гнала от себя грязной тряпкой. Это случайность.

Это просто досадная случайность, а в этот раз она подготовится, и все пройдет иначе.

Мария-Элена тоже будет готовиться?

Эту мысль Лорена тоже гнала прочь. В отличие от Лорана, она не могла допустить мысли о том, что кто-то окажется умнее, сильнее и красивее, чем ОНА! Это же – ОНА!

Она поднялась с самого низа, от дочери разорившегося дворянина до супруги одного из знатнейших герцогов королевства, она всего добилась своим умом (и попрошу без идиотских шуточек о месте расположения ума) и трудом, и никакая тварь ей не помешает...

Лорена ненавидела Малену. Именно ненавидела со всей силой души.

Если бы Лорану удалось осуществить свой план, переспать с этой соплей и запереть ее в Донэре, Лорена не тратила бы на Марию-Элену столько чувства. Подумаешь, герцогесса! Лорена-то умнее и красивее! И уж точно удачливее!

Но Рисойским указали их место. Указали жестко и нагло, уложив Лорана в постель... со свиньей! Погубив их репутацию в глазах соседей и дав понять фактически, что их место в хлеву. Они не ровня Марии-Элене.

Герцогесса оказалась достойна своего титула, и этого Лорена ей простить не могла.

Ревность?

Зависть?

И это, и простая ненависть к той, которая не просто обладала какими-то благами по праву рождения, но и была их достойна. И Лорена не могла утешаться словами о слепоте судьбы. Раньше она мужественно боролась с обстоятельствами, сейчас же, на фоне Марии-Элены... она просто выгодно продавалась.

И ненавидела герцогессу за эту правду.

Не осознавала до конца своих чувств, не разбиралась в мотивах, но ненавидела. И сделала бы все, чтобы насолить Марии-Элене.

Еще и сделает, дайте только до столицы добраться!

Лорена знала, она не успокоится, пока не укажет мерзавке на ее место. Раз и навсегда.

Матильда Домашкина

- Я скоро из дома буду бояться выходить.
- Будем спускаться по веревочной лестнице с балкона?
- Ага... А может, отравить их всех к едрене фене?
- Маму? Родную?!
- Какая она мне мать!

Матильда и Малена красили глаза и привычно препирались.

С момента визита участкового прошла уже неделя. Даже побольше.

И... затишье.

Девушки не удивились бы скандалам под дверью, попыткам воззвать к совести, жалости или порядочности Матильды, попыткам вломиться силой...

Тишина пугала и настораживала.

Мысль о том, что любящая мамочка сдастся, обеим и в голову не приходила. Чуть какая! Стремление людей к халяве неизменно и безгранично. И отказываются они от попыток, только крепко получив по морде. А пока этого не было...

Так где же мамочка?

Срочно уехала к другим деткам?

А на какие, простите, деньги?

Матильда поглядела в интернете, до нужного поселка было добираться больше тридцати часов в одну сторону. Поезд, еще один поезд...

Примерно треть Матильдиной зарплаты за месяц. Дорогое удовольствие. Просто так не наездишься, но чего теперь ждать самой Матильде? Боевых действий? Что мамаша так просто не сдастся, она и не сомневалась. И Параша куда-то запропала... точно, пакость готовят, стервы.

Стерва – это куча падали?

Очень точное определение в отношении этих двоих... стерв! Хоть мамаша, хоть Параша.

Матильда нервничала, а Малена ее успокаивала.

- Вот подожди, доберусь я до столицы – и мы поменяемся местами.
- Ты будешь нервничать, а я тебя успокаивать?
- Именно.
- Хорошо бы до этого времени разобраться с моей мамашей.
- Как прикажешь с ней разбираться, если она не показывается?
- Ждем-с...

Ожидание и выматывало хуже всякой войны. А уж когда к нему добавлялся господин Асатиани... черти б его побрали!

Вот и сейчас.

Опять цветы, опять игрушка, конфеты...

Малена скривила губы, но отправить все в комнату менеджеров не успела. Заявился Антон под ручку с давешней блондинкой.

– Марин, ты сядь, посиди пока, я кое-что сделаю, и поедем.

– Да, дорогой, – томно проворковала жертва косметики, опускаясь костлявым задиком на диван. Матильда посочувствовала мебели. Интересно, у блондинки на попе костяных гребней нет? А то ведь прорежет!

- Малена, сделай Маринке чай.
- Лучше кофе. Черный. С лимоном...
- С сахаром?

– Конечно нет! Я на диете!

«При таких костях? – ужаснулась Малена, уже осведомленная о забавах женщин нашего мира. – Да ей плюшки надо есть каждый день, по три раза в день!»

«Мало ли, может, она пособием готовится? В анатомический кабинет, скелетом работать?»

Малена перехватила управление у подруги и принялась заваривать кофе. Матильда тем временем комментировала прическу блондинки и полкило косметики, наложенных с утра.

Или не смытых с вечера?

Кто бы объяснил дурочкам, что вечерний макияж с утра – это не просто дурной тон, это еще и плохо смотрится при дневном освещении... тени в свете неоновых ламп углубляют глаза, но в дневном свете ты выглядишь как клоунесса.

«У нас вообще не красятся. Только продажные женщины».

«У нас примерно так же. Чем сильнее женщина красится, тем больше она хочет продаться».

«Я бы не купила».

«Думаю, Антон тоже ей не платит, – согласилась Матильда, окидывая блондинку нечитаемым взглядом и ставя перед ней кофе с лимоном. – За идею старается».

Мельком она заметила, что дверь в кабинет прикрыта неплотно, так что Антон может услышать их разговор. Есть у шефа такая привычка.

Ну и ладно, все равно она предельно вежлива со всеми его пассиями. То есть Малена. Пробить герцогессу на хамство было невозможно, хотя пытались многие.

Блондинка сощурилась.

– А вы тут секретарша...

– Да.

Малена поглядела на игрушку и цветы.

Сейчас отнести?

Придется подождать, не оставлять же эту блондинку одну в приемной?

Нет, никак не оставишь.

Блондинка проследила за взглядом девушки, и лицо ее стало гадко-ехидным.

– Я смотрю, Давид выиграл пари? Или пока еще примеряется?

– Пари? – удивилась Малена.

Улыбка у блондинки стала еще более пакостной.

– Между Давидом и Антоном.

Малена прищурилась в ответ, не показывая своих чувств.

– Я не в курсе условий... не посвятите?

– Кто быстрее затащит вас в постель, тот и выиграет. Давид, да? Вы ему скажите, пусть хоть на колечко расщедрится...

Дверь кабинета распахнулась.

Антон воздвигался на пороге, злой, как три черта.

– Маринка!

Блондинка захлопала глазами.

– А что не так?

Малена молчала, но столько всего выражал ее взгляд...

Сейчас Матильда и Малена ругались между собой. И слава богу, что телом не управляла ни одна из них, оно так и застыло со скрещенными на груди руками и приподнятой в насмешливом удивлении бровью. Кто бы сказал, что Малена из последних сил удерживает взбесившуюся подругу? А Матильда была не просто в бешенстве, она готова была убивать.

– Суки!!! Твари, сволочи!!! Пари?! Обоих зарюю!!!

– Успеем. Пусть сначала объяснятся.

- Козлы!!! ... и ...!!!
- Она могла и соврать.
- Ты в это веришь???!!!!
- Нет. Определенно не врет, просто укусить хотела побольнее.
- ВОТ!!!

Малена вздохнула.

- Матильда, милая, дай мне в этом разобраться. Ладно? Сестренка...

Матильда зашипела, но первый приступ ярости схлынул, миновал. Держаться стало легче. Сказывалось бабушки-Майино наследство, фамильная вспыльчивость. Но после первого приступа ярости становилось легче, Матильда уже могла размышлять здраво... только раньше у нее не было Малены.

Она бы треснула Антона по голове ксероксом, выдрала бы блондинке патлы и попала бы в милицию.

Она.

Малена же стояла, будто так и надо. И не при ней злой как черт Антон нависает над блондинкой с таким видом, словно сейчас ее сам препарирует.

- Ладно. Но если что – я им размножалки с корнем вырву!
- И я помогу.
- По рукам!

Диалог казался долгим, но в реальности занял меньше десяти секунд. Мысли же. Самое быстрое, что есть на Земле...

Антон едва успел отреагировать, стащив блондинку за руку с дивана, да так, что Марина плеснула на себя кофе и запищала.

- Ой! Кажется, я обожглась...
- Все. Вали отсюда.
- Тоша!

– Сказал, вали! – рявкнул Антон. И таким было у него лицо, что даже крашенная кукла что-то сообразила. К примеру, что сейчас вылетит в окно.

Чашка кофе полетела на пол, а блондинка попыталась повиснуть на любовнике.

- Тоша...
- ВОН!!! – взревел благородный герой так, что дрогнул светильник на потолке.

Малена выключила кофеварку и заняла свое место за столом. Блондинка вышла, виляя задом, а Антон сделал два шага по комнате.

– Малена...

Девушка молча смотрела на него.

- Я... мы не спорили с Давидом.

Малена с ним тоже не спорила. Пусть выговорится.

- Давид просто попросил меня оставить тебя в покое. Ты ему понравилась.

Молчание.

- У нас не было спора как такового, мы решили, что выбор предоставляется тебе.

- Это очень благородно с вашей стороны, Антон Владимирович.

Малена говорила тихо и глухо. Ей было больно, и Антон это понял.

- Маринка – дура! Пойми...
- Я все понимаю. Давайте закроем эту тему?
- Ты не сердись?
- У вас есть какие-то вопросы по работе?

Малена всем видом показывала, что это – не тема для обсуждений. И Матильда восхищалась сестрой.

Ах, как легко было бы сейчас сорваться в базарную истерику. Как просто...

И как невозможно для герцогессы. Малена так же не могла устроить скандал, как не могла бы пройти голой по улице (леди Годиву в пример не приводим, там были обстоятельства), не могла бить посуду, кричать...

– А жаль. Так было бы легче.

– И мне жаль. Что в нашем мире больше этого нет...

– Может, есть? Только мы не сталкиваемся?

– Может быть...

Антон хлопнул дверью кабинета. Вопросов по работе у него не было.

Малена посмотрела на кофейную лужу на полу, на чашку... и пошла убирать. Здесь замка с прислугой нет, здесь надо ручками.

Хорошо хоть, чашка не разбилась.

Малена взяла ее и отнесла в санузел, вымыть.

Там ее и нашла Женя.

– Малечка... ты как?

Раньше Евгения ревновала шефа. Потом поняла, что Малене он не нужен (герцогесса своего интереса никогда не показывала), и успокоилась. И даже хорошо относилась к девушке, особенно после появления Давида. Ясно же, друзья поделили поле боя, и Малена достанется Давиду, а на Антона никто не посягнет.

– Что? – спохватилась Малена. – А, да, все в порядке.

– Ты плачешь.

– Это от моего средства. Оно в глаз попало.

Девушки так и не поняли, кто из них плакал.

Матильда?

Малена?

Горько, когда на месте рыцаря в сверкающих доспехах оказывается... его ишак. Или даже ишак его оруженосца. Горько и гадко.

Благородный человек никогда не позволит себе обсуждать женщину в таком ключе. Тем паче женщину, которая ему небезразлична. А если вот так, в мужской компании, как будто перебирают стати породистых кобыл... Малена никогда не позволила бы себе обсуждать любимого мужчину с другими. Никогда...

И уж точно не низвела бы свои чувства до... до такого.

Больно...

– Антон мне все рассказал.

– Да неужели?

– Маринка – тварь и гадина. Она и наврать могла.

– О чем?

– О пари.

– Могла. Но... не на пустом месте.

– В смысле? – не поняла Женя.

– Как ты думаешь, это порядочно – трепать мое имя перед каждой встречной?

Малена даже знала, когда это произошло. Когда она отказалась ехать с парнями, наверняка...

Гадко это. Словно мыла наелась... того самого, с мыловарни.

Больно и тошно было Малене, а Матильда разделяла ее эмоции. Сестра же страдает!

– Ну...

– Я не давала повода. И мне сейчас очень неприятно. Можешь так и передать Антону Владимировичу.

Женя вздохнула.

– Ладно... Ты справишься?

– Не дождетесь, – огрызнулась уже Матильда. – Из принципа переживу всех, особенно эту парочку ловеласов!

Женя фыркнула и вышла из санузла.

* * *

Антон больше ничего не говорил по этому поводу. С Давидом он, похоже, созвонился сам, потому что вечером перед конторой джипа не было.

– Отвязался? – не поверила в чудо Матильда.

– Благословением Сестры и Брата...

– Не было бы счастья, да несчастье помогло?

– Значит, это не несчастье, а предпосылка для счастья, – философски ответила привыкшая к софистике Малена.

– Аэссе.

– Аминь.

Его величество Остеон, Аланея

Король работал.

Упорно, серьезно, вдумчиво, он разбирал бумаги в присутствии канцлера. Что-то подписывал, что-то откладывал к рассмотрению, что-то кидал в корзину, когда...

– Ваше величество, беда!!!

Его величество проехался пером по столу и, конечно, сломал остро заточенный наконечник к шервулям¹. И дернулся не только король.

Канцлер, который как раз подкладывал королю документ на подпись, аж чернильницу опрокинул, укоризненно глядя на Бариста Тальфера, который влетел (с его-то тушей только бегать!) в королевский кабинет.

– Что случилось?

– Степняки перешли границу и движутся вглубь страны! Голубь прилетел...

Канцлер, Леонар Тарейнский, забыл обо всем на свете. Иначе никогда не протянул бы руку вперед короля.

– КАК?!

Барист сунул в протянутую руку скатанную в крохотную трубочку бумагу.

Его величество перехватил донесение в воздухе, проглядел...

И медленно, словно в дурном сне, начал оседать на ковер, под взглядами стряпчего и канцлера.

– Ваше величество!!!

Канцлер едва успел подхватить короля и осторожно уложить на ковер.

Каким чудом Барист успел прикрыть дверь, знал только он сам.

– Лекаря!!! – едва не в голос взвыл канцлер.

Вроде бы толстяк неуклюжий, малоподвижный, но Барист мигом оказался рядом с Леонаром, стиснул его руку.

– Нет! Капли в ящике стола!

– ГДЕ?!

Барист ловко вытащил ящик, вытряхнул на ладонь пузырек темного стекла, накапал капли прямо в кубок с вином и принялся осторожно, явно привычно поить короля.

¹ Шервиль – примерный аналог черта, местные жители представляют его в виде громадного зубастого червяка. После смерти шервили медленно, по кусочкам, жрут души грешников и выплевывают... да, именно оттуда. (Прим. авт.)

Канцлер поддерживал его величество под плечи.

– Что с ним?

Стряпчий посмотрел на канцлера и решил махнуть рукой на тайну. Такое не скроешь... пусть его величество сам потом разъясняет... или казнит.

– Его величество болен.

– Что говорят лекари?

– Простите, ваша светлость, я ничего не могу сказать без разрешения его величества.

Канцлер поглядел весьма многообещающе, но Баристу было не до того. Он даже не заметил, потому что вливал в губы короля вино с настоем.

Остеон пошевелился, глубоко вздохнул... На серые щеки начал возвращаться румянец.

– Кто здесь?

– Лежите, ваше величество! – Канцлер чуть потеснил Бариста, наклонился над королем.

– Кто... знает?

– Обещаю, я буду молчать.

Остеон медленно прикрыл глаза. Силы возвращались к королю.

– Кто-то меня видел? Сейчас?

– Нет, ваше величество.

– Никто не должен знать... – в голосе короля звенела сталь, обещая мучения и смерть любому проговорившемуся. – Никто.

Это явно относилось не к Баристу, и канцлер отвечал:

– Клянусь, ваше величество!

– Дайте донесение.

Мужчины замялись, но... выбора не было.

Второй раз король пробежал его глазами уже более спокойно, протянул Леонару.

Канцлер прочитал несколько строчек и едва не улегся рядом с королем.

– Степняки? Взяли Инкор? Собрали большое войско, чуть ли не сорок тысяч человек, и теперь движутся вглубь Аллодии, вдоль Интары! Брат воинственный!

– Это-то понятно, где бы они еще прошли!

Остеон переключился на более важное. С самочувствием все ясно, лучше уже не станет, только хуже, а значит, и волноваться не о чем. Интара была достаточно глубокой речушкой. А что главное для войска?

Вода.

Надо поить людей, надо поить коней, степнякам последнее особенно важно...

– Откуда у них такое войско?

Канцлер сжал в кулаке бумажку.

– Если этот... еще не сдох, то я ему помогу. Обещаю, ваше величество.

– А разъяснить? – Остеон уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы вернуться в кресло.

Леонар фыркнул, словно кабан в камышах, и принялся объяснять.

Последнее время на границе со Степью царило просто умирительное спокойствие. Прямо-таки восхитительное. Набеги почти прекратились, вылазки стали редкими... народ порадовался.

Рид – насторожился. Так уж был устроен маркиз Торнейский, что везде видел в первую очередь подлость, а потом...

Рид поговорил со своими подчиненными. Сотник Ренар Давель командовал разведчиками, он и отправлял их в Степь... он уверял Рида, что все в порядке. Просто у степняков сменился каган, старый умер, новый воссел на трон, ну и... естественный процесс. Пока внутренних врагов не перережет и друзей не наградит, ничего серьезного ждать не стоит.

А поди ж ты...

Маркиз Торнейский написал в столицу и говорил при встрече с канцлером, но... ничего не было известно. Тишина и покой.

Леонар с себя вины не снимал, но клялся и божился, что разведка ничего не доносила. Хотите, ваше величество, рубите голову, а только есть у нас предатели, есть...

Его величество это ожидаемо не утешило, но менять сейчас канцлера? Вводить нового в курс дела?

Некогда! Не до того...

И его величество принялся отдавать приказания.

Объявить всеобщую мобилизацию.

Подтянуть войска к границе.

Перехватить, остановить, не пустить...

Разослать голубей по всем крепостям. И...

Маршала к королю!!! Немедленно!

Канцлер вылетел из кабинета, словно под зад пнутый. Слуги метнулись на поиски маршала. А его величество посмотрел на Тальфера.

Вообще, король должен быть несгибаем и властен, но...

Принц был где-то в городе, а король – тоже человек. Он не может быть символом двадцать четыре часа в сутки, ему иногда тоже надо выговориться. Перед человеком, которому все безразлично, кроме обожаемых цифр.

– Мы справимся? Что у нас по финансам?

Набег – это ведь в первую очередь расходы. На войска, на продовольствие, фураж... на все.

Барист принялся излагать все цифры, которые знал на память. Он понял, что королю это не так важно, просто его величеству надо собраться с духом... и высказать что-то такое. Что-то, на что не хватает сил даже у короля.

Вторжение?

Да, это бы подействовало на короля, но не так сильно. Аллодия сильна, и они бы справились... маркиз Торнейский...

Восьмилапый!

Барист сообразил, в чем дело. Но...

А, семь смертей не увидеть, а одной не миновать.

На плечо королю, который сидел за столом, сторбившись в кресле и прикрыв лицо, легла мягкая ладонь. Барист Тальфер обычно не позволял себе таких вольностей, но сейчас...

– Он справится, ваше величество. Ваш брат – умный и опытный полководец.

– Сорок тысяч человек. Сорок. Тысяч.

– Это степняки. Они не умеют воевать, государь.

– Сорок тысяч. А у него сто человек. Может, еще что-то из ополчения будет... полководец, да. Но без полка!

Что мог сказать Барист? Да только одно.

– Ваше величество, давайте созывать войска. Раньше начнем, раньше поможем маркизу.

Остеон с трудом вытащил себя из кресла, подошел к окну. Проклятая слабость после приступа, и виски до сих пор ломит...

Сто человек гвардии. Маркиз...

Маркиз где-то там, где едет Шарлиз Ролейнская, где идут сорок тысяч степняков, где граница...

Брат воинственный, Сестра милосердная, сберегите моего брата!!!

Остеон знал Рида. Маркиз не полезет в лобовую атаку, а попытается задержать врага, измотать, дать время...

Интара – подлая речушка, она течет по оврагу, по полям, лесам, перелескам, там подходящие места для партизанской войны. Рид обязан уцелеть, должен!

Война...

Никогда не знаешь что, как, где... ночной налет, шальная стрела, Рид не станет отсиживаться в тылу, он первый пойдет навстречу опасности.

Брат, Сестра, спасите его!

– Где маршал?

– Я сейчас, ваше величество...

Барист выглянул за дверь и заговорил со слугами.

Остеон молча молился.

– Ваше величество?

Маршал, Арган Иллоийский, вошел быстрым шагом.

– Мне сказали... ваше величество?

Остеон кое-как взял себя в руки. Кто бы сомневался, весь дворец уже в курсе.

– Маршал, если вы уже знаете про степняков... объявляйте мобилизацию, собирайте войска...

– Да, ваше величество.

– Выступайте как можно скорее.

– Слушаюсь, ваше величество.

– И... возьмите.

Король открыл стол.

– Ваше величество!

Маршал ахнул, увидев эту вещь.

– Приказ отдаст Барист.

Вещь в руках у короля была личной королевской данзой².

Золотая пластинка, выполненная в форме королевского герба Аллодии. Единственное отличие – громадный черный камень, вделанный посередине в золото. Своего рода отличительный знак, благодаря которому данзу нельзя было подделать или подменить. Таких камней и было-то всего шесть штук. Корона, скипетр, кольцо, нагрудный медальон короля и две данзы.

Золотые пластинки? Нет. Не только.

Неограниченная власть на территории королевства.

Человек, которому доверили данзу, мог распоряжаться так, словно сам король стоял на его месте. Ему не могли отказать ни в чем, кто же отказывает королю? Более того, он мог начать или закончить войну, казнить или миловать... он был волен в жизни и смерти людей, как сам король. Одно слово...

– Это вам, маршал. Единственный, кому вы ее можете отдать – маркиз Торнейский.

– Да, ваше величество.

Остеон помолчал пару минут.

– Он сейчас там.

Маршал дураком не был.

– Ваше величество, я все сделаю, чтобы ему помочь.

Остеон молча кивнул. Горло перехватило.

Маршал вышел. Барист, незаменимая голова, уже подготовил проект приказа. Остеон пробежал его глазами: все правильно. Мобилизация, война, большая королевская печать, осталась подпись...

– Прикажи отдать секретарю, пусть перепишут начисто, я подпишу.

А оставшись один, опять уставился в окно.

² Ближайший аналог в русском языке – пайцца. (Прим. авт.)

Брат светоносный, Сестра милосердная, спасите моего брата...

Аллодия, неподалеку от реки Интары

Каган Хурмах оглядел свое войско.

Как и положено кагану, он передвигался на платформе, которую тянули вперед быки. Испокон веку так заведено, нищета и рвань пешком, простые степняки, *чикан*, верхом, знатные, *дакан*, в колесницах, а каган – на платформе. Вызолоченной и разукрашенной, чтобы все видели его знатность и богатство.

И – бесстрашие.

Ясно же, что на платформе передвигается каган, сюда будет нацелен удар врага, но правитель страха не ведает. Хотя это было сказано не о Хурмахе.

Он знал, что такое страх. Не за свою жизнь, нет... За другое.

Хурмах был третьим из шести братьев. И где теперь остальные сыновья его отца?

Нет их...

Ушел в небытие книгочей Бурат, ушли в небытие сладострастники Чихей и Журмей, погибли храбрые Арват и Санат. Всех унесли кого клинки, кого болезни. Всех...

И даже своей подушке не признавался Хурмах в том, что причиной трех смертей был он сам.

Хурмах хотел величия для своей страны.

Прекрасна и многообразна Степь, обильны в ней поля, тучны стада, изобилен приплод в них, но кто сейчас считается со Степью?

Никто.

Их превратили в собак, сидящих в конуре, загнали, как волков, и не выпускают за кольцо сторожевых крепостей. Хурмах искал способ изменить ситуацию – и нашел союзника.

Всегда, везде два понимающих человека смогут договориться.

Вот он, человек, который его понял.

Сотник Давель.

Сейчас он не сотник, он личный кал-ран³ самого кагана. И когда наступит момент дележки добычи, Хурмах щедро одарит союзника.

Давель неглуп, именно он привез наложницу, прекрасную, словно луна, но большую дурной болезнью, для Журмея, он помог устроить засады, в которых сгинули Арват и Санат...

Именно он.

Кое-что сделал и сам Хурмах, но это сейчас неважно. Важно то, что его признал Круг. Его имя выкликнули перед кострами, как и полагается по старинному обычаю, на его призыв откликнулись храбрые воины, и сейчас он собирается пощупать мягкое подбрюшье Аллодии.

Пройти до берега моря и омыть ноги в соленой воде.

И это – справедливо.

– Давель!

Кал-ран отозвался почти сразу. Позвали.

– Мой каган!

Хурмах цыкнул на наложниц, чтобы скрылись с глаз долой, кивнул Давелю на подножие трона. Кал-ран понятно вскарабкался на платформу.

– Ваше величество?

Титул согрел душу. Но...

– Рано меня еще так называть.

³ В армии степняков есть десятник (кан), сотник (кан-гар), пятисотник (кан-ар), тысячник (кал-ран). Более мощной армии они обычно не собирают. (Прим. авт.)

- Ваше величество, вы уже король. Степи. А Аллодия ждет своей очереди.
- Ты уверен, что нас не остановят?
- Вы взяли Инкор почти без потерь. И другие крепости падут вам под ноги...

Каган поморщился.

Инкор они взяли потому, что сотник с верными людьми просто открыл ворота своему кагану. И степняки ворвались в крепость. А вот дальше...

- Король соберет войска...
- Король стар, принц глуп.
- Есть еще Черный Волк, – прошипел каган.

Маркиза Торнейского в Степи называли именно так.

Черный Волк.

Есть такое предание, и когда его рассказывают, дети степняков жмутся к кострам, не смея отойти от них до самого утра, а их родители вспоминают свои страхи и подбрасывают в огонь кизяк. Это – не просто страх.

Это – волк.

Черный, кривой на один глаз и хромой на одну лапу, он бродит по степи. И нет того, кто его одолеет. Красны его глаза и белы его клыки, и падает с них на землю густая пена, а там, где касается она земли, вырастает белена.

Волк уносит детей, режет скот, и даже воины склоняются перед ним. Перед его мощью и силой...

Так прозвали и Торнейского.

– У вас есть союзники в столице, ваше величество. Торнейский не придет. Или придет, но почти без войска. Человек пятьсот, семьсот... что он сможет сделать?

Хурмах поежился, сотворяя знак, отвращающий зло.

Что может сделать Черный Волк?

Об этом узнает тот, кто попал ему в зубы. Но – поздно. Слишком поздно.

Только вот каган не должен ведать страха. Хурмах оглянулся на свое войско.

Степняки с арканами, степняки с копьями, с саблями, все смотрят на него, все готовы умереть за своего кагана...

– Пусть приходит Торнейский. Мы его встретим.

Аланея. Дом на окраине

Высокий светловолосый мужчина проглядел донесение с границы и довольно улыбнулся. Замечательно. Пока все идет по плану.

Что нужно для смены власти?

Первое – опасность. Когда волк угрожает овчарне, овцы становятся послушными.

Второе – пастух. Его надо или убрать, или скомпрометировать... с Остеоном разберемся, руками его же сына.

Лэ Стиорта уверяет, что настой скоро будет готов, принцу она его всучит, за хорошие деньги, кстати, деньги лишними никогда не бывают, – и Найджел бодро побежит травить отца.

Не сразу, конечно. Но где-то через полгода-год, в зависимости от везения и крепости здоровья, Остеон скончается, и Найджел займет трон.

Попробует.

К тому времени в битве на границе погибнет Торнейский, а сам заговорщик...

У него уже готово войско, которое не только вышвырнет кагана из Аллодии, но и отвоюет изрядный кусок Степи.

Хурмах – трус и сволочь, но не дурак, поняв, что для его драгоценной шкуры есть угроза, он предпочтет договориться.

Договориться можно вообще с любым человеком. И светловолосого поддерживала примерно пятая часть дворянства, а это много.

Очень много...

И в результате победитель вернется в столицу. А тут к его услугам и принцесса, и трон. Кому будет нужен Найджел, к которому приклеится ярлык отцеубийцы? Да никому. Палачу разве что...

Заговор вступал в решающую стадию.

Полгода, максимум – год, и в Аллодии сменится король. Разумеется, для блага самой страны. Как истинный патриот Аллодии, он просто не мог допустить, чтобы на ее троне сидел подлец, убийца и дурак впридачу.

Светловолосый вообще был за мирное решение проблем, он бы и с Торнейским договорился... Но маркиз был слишком предан своему брату. Это и Диана отметила в своих донесениях. Пусть покоится с миром. Спишем маркиза в расход...

Мирная картина, не правда ли?

Мужчина, с бокалом красного вина, в уютном кресле, у камина...

А если заглянуть в его разум?

Клубок змей – намного более приятное зрелище, чем его мысли. И менее ядовитое, кстати. Как часто внешнее оформление и внутреннее содержание не совпадают?

Это вопрос философский. Светловолосого волновали вопросы житейские. Согласится ли Риний отдать за него Дилеру? Что делать с Шарлиз? Как поступить с Сорийскими?

Как договориться с Тальфером? Убивать стряпчего не хотелось, слишком он умен и полезен Аллодии, а вот поставить себе на службу... как?

На все эти вопросы ему предстояло еще найти ответы. Но он ведь умный и хитрый. Он справится, он все просчитает и выберет лучший вариант развития событий. Для себя лучший, конечно.

Не пройдет и двух лет, как на его чело опустится корона Аллодии. Не пройдет и двух лет. Человек в кресле грезил о своем будущем величии...

Матильда Домашкина

– Пора праздновать?

– Думаю, да...

Давид не появлялся вот уже третий день. Ни игрушек, ни цветов, ни джипа...

Надоело? Или понял, что здесь не обломится?

Антон же решил свести все отношения к вежливому общению начальника и секретарши. Устраивало ли это Матильду?

Да более чем. А вот Малена вздыхала. Но сестра нашла, чем ее развеселить.

– Мы сегодня после работы идем в бассейн.

– Здорово... а куда?

– В клуб «Атлант». Там первое занятие бесплатно, а потом купим абонемент, если захотим.

– Давай сходим!

Малена проявляла столько искренней радости, что Матильда готова была прослезиться. А и правда, не учат приличных девушек с монастырским воспитанием плавать в бассейнах. И в море им поплавать не дадут, и по песочку босиком побегать...

Малена и не страдала от этого, она же не знала, чего лишается. А вот когда ей показали да рассказали...

Теперь Малена требовала бассейн, и в пакете дожидались своей очереди заботливо сложенные купальник, шапочка, полотенце и тапочки. А то ж!

Вечером девушка вышла из конторы и направилась к клубу.

Не понравилось ей там сразу. Матильде.

Малена не видела разницы между марками автомобилей, различая их пока по цвету-размеру, а вот Матильда прекрасно понимала, сколько стоит «Кадиллак», сколько «Мини-Купер», сколько «БМВ», пусть не в подробностях, но все же!

Эти машины на стоянке были представлены. А вот «Жигулей» не было. Почему?

Наверное, не приглашали. Но ладно...

Пусть это все останется на совести владельцев. И стоянка, забитая элитными машинами, и роскошные стеклянные стены клуба, через которые видно роскошную барную стойку и сидящих за ней девиц, и крупные позолоченные буквы «Фитнес-центр «Атлант»...

Матильде все это решительно не нравилось, просто потому, что продав свою квартиру, она могла бы купить себе как раз половинку во-он той машины.

Ненависть победившего пролетариата к проигравшим буржуям, не иначе.

– Я бы помогла, но...

– Все в порядке, – успокоила Матильда сестру. – Бывает.

И решительно толкнула дверь клуба.

Почему-то в эту минуту она себя чувствовала как грязное пятно на ковре. Очень неудобно. Очень неприятно. Особенно под взглядами девиц в мини-костюмах, которые тут же захихикали и начали перешептываться между собой. Но кое-чему Матильда уже успела научиться у сестры.

– Я – Домбрийская!

И никак иначе. Неважно, что Матильда де-факто не была одной крови с Маленой, они все равно были ближе родных. И девушка, подняв голову и расправив плечи, улыбнулась окружающим.

Спокойно, снисходительно...

Аристократка никогда не будет принимать во внимание разговоры скотников. Она не станет ими брезговать, но...

Не тот круг. И обсудить им нечего.

Матильда медленно, держа спину, прошла к стойке администратора – красотки лет двадцати пяти, в белоснежной блузке. И конечно, с идеальной фигурой, волосами, зубами...

Живая реклама центра. И улыбается так... выученно. Жаль, что одними губами, глаза остаются холодными.

Матильда окинула ее внимательным взглядом.

– Ну да, будь на моем месте тот же Антон...

– Она не замужем, – заметила Малена.

– Может, просто кольца нет. Но в любом случае...

– Думаю, она бы и на Давида согласилась.

– Тут главное – большой и толстый...

– Мотя!

– Бумажник! Малечка, исключительно бумажник. А ты о чем подумала, посмотревшись интернета?

– Зараза.

Матильда улыбнулась. Ей доставляло удовольствие поддразнивать сестренку. Как и сестричке – троллить ее отсутствием манер.

Но стоит обратить внимание и на окружающий мир.

– Добрый день, – Мотя ответно улыбнулась девушке за стойкой. Так же – одними губами.

– Здравствуйте. Я могу вам чем-то помочь?

– Можете. Запишите меня на пробное занятие в бассейн.

Девушка тоже пригляделась к Матильде и улыбнулась уже адресно. Исключительно вежливо и равнодушно.

Интересно, где их такому обучают? Разговаривать как с человеком, а смотреть как на помойку?

– Тильда?

Малена привычно перехватила у сестры контроль. И в следующий миг девушка за стойкой поежилась. Таким на нее арктическим холодом повеяло от невысокой фигурки, что рука сама собой дернулась за шубой.

Ледяные серые глаза, осанка, приподнятая бровь...

В своем мире Малене было сложно, а вот здесь, где никто не имел представления о хороших манерах, принимая за них то избыток высокомерия, то отсутствие воспитания...

– Д-да... К-когда?

– Можно прямо сейчас, – милостиво разрешила Малена.

– Конечно... Ваш паспорт?

На стол легла маленькая книжечка. И красотка принялась заполнять строчки.

Малена опять уступила сестре контроль, и администраторша смогла чуть расслабиться. Хотя и сама не понимала, почему так происходит.

– Ключ от вашего шкафчика. Если у вас чего-то нет, шапочки...

– У меня все есть. Благодарю, – вежливо ответила Матильда. И прозвучало это так, что красотка прикусила змеиный язычок. – Как я могу попасть в раздевалку?

– По зеленой стрелке, пожалуйста.

Администраторша успокаивалась. Матильда не вымораживала все пространство вокруг себя, рядом с ней было спокойно. А вот Малена, особенно когда было на то ее желание...

Матильда пригляделась. На полу действительно были стрелки.

Зеленая – раздевалка.

Синяя – бассейн.

Но нам пока нужна зеленая.

* * *

Раздевалка тоже была роскошной. С душевыми кабинками, с хромированными дверцами шкафчиков, с зеркалами... красиво. Но неудобно.

Матильда быстро переделась в купальник, ополоснулась под душем и вышла.

Теперь по синей стрелке.

Итак, бассейн.

Большой, красивый, с синей плиткой на полу, отчего вода казалась голубой и прозрачной, с мозаикой на стенах... пальмы, чайки...

На двух стенах картина тропического берега, на двух других – горизонт с птицами. Красиво.

Матильда медленно, перебирая руками по поручню, спустилась в бассейн. Немного поежилась...

Вода приятно обволакивала тело.

– Как приятно, – шепнула Малена.

– Да...

И Матильда упала на спину.

Лежать на спине она умела. И плавала неплохо, бабушка в детстве ее частенько водила на речку. Так что сейчас девушка медленно двигалась по бассейну, разглядывала стеклянный потолок, через который было видно небо, и получала удовольствие.

– Поберегись!!! – раздался вопль.

И Матильду окатило фонтаном брызг.

Она чертыхнулась и перевернулась. Малена испуганно визжала где-то в глубине души, но контроль не перехватывала. Понимала...

В бассейн явилась толпа золотой молодежи.

Два парня, общим весом под два с половиной центнера, и пять девушек примерно с тем же общим весом. Все увешаны золотом так, что хоть в ломбард сдавай. И смотрели вторые на первых...

– Они голодные? – не удержалась Малена.

– Мне тоже так кажется... Поплыли, а то им еще закусить захочется, – согласилась Матильда.

Один из парней решил показать себя умелым пловцом и супермужчиной. Он забрался на вышку и бомбой прыгнул в бассейн. К сожалению, не отбив себе ничего о воду. А, впрочем, через такой слой сала его хоть поленом глушить можно – не пробьешь.

Но Матильду окатило изрядно.

Второй парень ничего из себя корчить не стал, просто слез в бассейн и попробовал поплавать.

Ага, как же.

Сезон «русалок на нересте» был открыт спустя три минуты.

Девушки умело загоняли, окружали, подплывали с вопросами, демонстрировали себя...

Матильду это забавляло только первые две минуты. Потом она начала злиться. Бассейн не был разделен на дорожки или зоны, поэтому парни плавали бессистемно. И не там, где хотелось бы Матильде.

Вот поплывешь ты, решив пять раз проплыть бассейн из конца в конец, и натыкаешься на одного идиота.

Оплываешь его, а за тобой еще три загонщицы плывут с вопросами.

Типа «Сколько времени, вы не подскажете?», «Вы не знаете, где здесь бар?», «Скажите, что вы думаете о последнем чемпионате мира по футболу?». Опытные девушки попались...

Плывешь обратно по другой стороне бассейна, а там еще две «русалки» атакуют второго бедолагу: «Как вы думаете, здесь вода хлорированная или озонированная?», «Не хотите после бассейна выпить по чашечке горячего крепкого... коф-ф-ф-фэ-э-э?».

Тьфу!

Матильда почувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Вот правда, что она здесь делает? Банально плавать?

Фу, какая пошлость!

Это в то время, как люди делом занимаются!

Парни демонстрируют себя и приглядывают девочек поаппетитнее. Девушки демонстрируют себя и приглядывают парней побогаче. Все заняты, а она тут плавать изволит!

Только мешается, паразитка!

Добавим к этому, что Матильда оказалась единственной героиней в купальной шапочке. Парни на это наплевали, а девушки щеголяли прическами разной степени сложности. Да и вообще...

У одного из парней столько шерсти было на организме, что хоть вычесывай на носки. Густой, курчавой, активно колосающейся на всех местах.

– Его бы не в купальную шапочку, а в гидрокостюм обрядить, – ухмыльнулась Матильда. Малена хихикнула.

– А у вас вроде бы есть...

– Или в гигантский презерватив. А потом уже к людям.

Девушки дружно рассмеялись. И наткнулись на один заинтересованный взгляд и пять злобных. М-да...

Парень, которого она мысленно обозвала «шерстяным клубком», смотрел с любопытством, и «русалки» уже вострили когти.

– Придется сваливать, – вздохнула Матильда.

– Да, наверное... Жаль.

Не успели.

– Малена?

Девушки чуть не утопились. Единоновременно и единокоренно.

Вот объясните, какая нелегкая занесла сюда Давида Асатиани?

* * *

Давид спускался в бассейн под восхищенными девичьими взглядами. И... надо отдать парню должное, на фоне «колобков» он выглядел очень даже...

Фигура равнобедренным треугольником, кубики бицепсов, узкие бедра... и поразительно мало растительности на теле.

На ногах, немного на животе и на груди.

Не заросли, а так... аккуратная плантация.

– Мотя!

– Малечка, ты лучше смотри. А то останешься в первую брачную ночь с мужем и под кровать с воплем полезешь? Я вам свечку держать не буду, и так за тебя с Лораном целовалась. Бэ-э-э...

– Неприлично так разглядывать мужчину!

– А если он в одних трусах?

– Эм-м-м...

Мир Малены таких ситуаций не предполагал. А Матильда не видела в красивых мужчинах ничего плохого. Она и на Давида смотрела, как на произведение искусства. Но как не поиздеваться над сестренкой? Чуть-чуть, беззлобно...

– Могу утопиться...

– Не надо.

– Тогда вообрази, что это – античная статуя. Они и без трусов ходили, климат позволял. Малена, уже ознакомленная с античным искусством, фыркнула.

– Как нам быть? Я плавать не умею.

– А я... М-да, поплыли к стене бассейна, буду контроль передавать. А то ведь утоплю гада.

– Давай...

Малена прочно заякорилась к поручню. И вовремя – Давид продемонстрировал себя всем и подплыл, словно Нептун.

– Малена, здравствуйте.

– Добрый день, господин Асатиани.

Фамилию явно услышали «русалки». Отлично.

– Минут пять – и они атакуют, – предупредила сестру Мотя. – Продержимся?

– Должны.

– Давай тогда двигаться по поручню к выходу?

– Давай...

Давид не обращал внимания на окружающих. Что они ему? Это же ОН! Сам Асатиани!

– Малена, нам надо бы поговорить.

– Говорите, – вежливо разрешила Малена.

– Я... Антон мне все рассказал.

Давид явственно подбирает слова, чтобы не обидеть девушку, и выглядело это очень забавно. Но смеяться Малена не спешила. Только поощрила мужчину, наклонив голову: мол, продолжайте, любезнейший, не стесняйтесь.

– Мы действительно разговаривали о тебе с Антоном. И, наверное...

Малена молчала. И постепенно продвигалась к лесенке.

– Я бы хотел...

На этом печальном и ответственном месте Давид был основательно протаранен боевой пловчихой. Которая так вписалась в него грудью, что Матильда даже мысленно присвистнула.

– Крепкий у нас силикон выпускать стали! – сказала она Малене.

– Что?

– Потом покажу...

Действительно, девушки были венцом косметологии.

Полные губы, груди, попки... при узкой талии и костлявых тельцах явно не обошлось без торжества косметической химии и пластической хирургии. Но это их проблемы...

Малене все это было безразлично, равно как и Матильде.

– Ой! Простите, я такая неловкая, – защебетала «русалка», намертво вцепляясь в Давида.

Малена бы так не сказала.

Девушка умудрилась вклиниться как раз между ними, намертво вцепиться в Давида, прижаться к нему грудью, да еще и поглядеть на Матильду этак... предупреждающе-злобно. Вали отсюда, мол, пока не притопили!

Занято!

Малена и спорить не стала. Наоборот, послала девушке благодарный взгляд, отчего та даже рот открыла и хлебнула водички. И помахала Давиду одной рукой.

– Ничего страшного, господин Асатиани, не смею вас отвлекать от важных дел.

И рванула по лесенке наверх.

Жаль, далеко уйти не удалось, она наткнулась на Антона.

Великий и Тщеславный шествовал к бассейну в окружении еще трех девушек.

– Додик, плыви сюда! Тут такие... Малена?

«Такие» тут же зашипели, но Малене было не до них.

– Антон Владимирович, приятно было повидаться. Всего наилучшего.

– Малена!

– До свидания.

Если Антон и хотел что-то сказать, то девушки ему такого шанса не дали. Вцепились намертво.

– Что-то мне подсказывает, что мы сюда ходить не будем, – подвела итог Матильда.

– А у вас в городе есть места, где можно просто поплавать? Без... этого?

– Ванная.

– А бассейн?

– Будем искать.

Одевалась Матильда, как солдат-срочник, за время горения спички. И вылетела из раздевалки.

Поздно!

– Чер-р-р-рт!

– Матильда!

– Лови контроль!

Девушка выпрямилась, расправила плечи и спокойно пошла к стойке.

Спина прямая, голова поднята, ноги ступают легко и уверенно. И совсем неважно, что на ее пути стоят и Давид, и Антон. Оба в одних плавках.

Кстати, очень симпатичные мужчины.

У Давида плечи пошире и шерсти побольше.

У Антона кубики на прессе лучше проработаны, а ноги покороче.

– Тильда, ты о чем думаешь?

– А плечи у Давида пошире.

– А у Антона руки изящнее... ТИЛЬДА!!!

Малена повелась в очередной раз, но какое там стеснение? Какие комплексы?

Помилуйте, о чем вы?

Она улыбнулась. И прошла бы мимо, не останови ее Антон.

– Малена, уделишь нам пару минут?

– Как прикажете, Антон Владимирович.

– Пошли, посидим в баре.

Вслух Малена ничего не сказала, но взгляд у нее был очень выразительным, потому что Давид фыркнул:

– Кто платит, тот и танцует. Хоть голым приди...

Малена промолчала. Хотят парни пить кофе в одних трусах – их проблемы. И каких же трудов ей стоило заткнуть Матильду! Но взгляд герцогессы оказался очень выразительным. И направлен он был в сторону девушек, уже шести штук, которые кучковались неподалеку и злобно косились на Малену.

Вот что в ней нашли парни?

Есть же ОНИ! Красивые, умные, на все готовые, раскованные... а тут мышь серая? И все ей? За что такая несправедливость?!

Малена думала примерно так же и мечтала о восстановлении справедливости, но ее уже вели под руки к бару. С двух сторон, чтобы не сбежала.

Марсельеза вспомнилась как нельзя более кстати, жаль, никто не оценил шутки, когда Матильда принялась ее насвистывать себе под нос. Ее просто взгромоздили на барный стул.

– Что будешь?

– Ничего. Спасибо.

– Малена! – надавил голосом Антон.

– Минеральной воды. Без газа, – озвучила слова Матильды герцогесса, которая и не знала, что можно заказать в таких ситуациях.

– Мне грейпфрутовый фреш. Додик, а тебе?

– Гранатовый сок.

Стаканы материализовались на стойке словно по волшебству. Бармен смотрел заинтересованно, видимо, ему такая ситуация тоже была в новинку.

Малена покрутила стакан. Красивый, тяжелый...

– Хрусталь. Не дешевка, – сообщила ей Мотя.

– Ты в этом разбираешься?

– Так, немного... – Матильда не то чтобы разбиралась, просто по весу это было не обычное стекло.

Первым слово взял Антон.

– Малена, извини. Мы были не правы.

Девушка едва не навернулась с табурета.

Они?

Не правы?

Точно где-то сдох последний динозавр.

– Мы не хотели тебя обидеть, – вставил свои пять копеек Давид.

Малена смотрела спокойно. Парни ждали. Чего?

Прощения? Разрешения вести себя дальше так же? Ну уж нет.

– Я могу идти, господа?

– Малена, давай это забудем? – Антон смотрел, как чеширский кот.

– Я уже забыла, Антон Владимирович.

– Ты сюда тренироваться пришла? – а это уже Давид.

– Да.

– Оставайся. Составишь нам компанию?

– Простите, господин Асатиани, этот вечер у меня занят.

«Равно как и все остальные» – эта несказанная фраза повисла в воздухе.

– Кем? – уточнил Антон.

С двух сторон атакуют, гады. Матильда занервничала. Для Малены в этом ничего странного или страшного не было, в монастыре учили владеть собой в любой ситуации.

– Я могу идти, Антон Владимирович?

– Малена, я бы хотел, чтобы ты осталась.

– Простите, Антон Владимирович, этот вечер у меня занят.

Девушка мило улыбнулась, намереваясь покинуть компанию. Давид перехватил ее руку, явно начиная терять терпение.

– Малена, хватит. Мы перегнули палку, конечно...

– Простите!

И на Матильду опрокинулся стакан с чем-то холодным. Аккурат сзади, на поясницу, зар-
раза!

Девушка вскочила с визгом. Специально взяла ноту повыше...

– Ой! Простите!

Извинялась одна из «русалок» очень искренне. И почему ей никто не поверил?

Матильда оглядела себя. На майке вишневое пятно, напоминающее очертаниями Австралию. И на джинсы немножко попало. М-да...

Очень хотелось удрать куда подальше, но воспитание не пропьешь. И не прольешь.

– Простите, господа. Мне надо привести себя в порядок. Надеюсь, вы не будете скучать?

Милая улыбка всем троим, включая девушку. И старт за угол.

В гостеприимные объятия «пловчих».

– Ты! – включила режим наезда самая грудастая. – Ты вообще кто такая?

Малена сориентировалась мгновенно.

– Где тут запасной выход?

Девушки растерялись.

– Девочки, еще раз – где тут запасной выход, пока эти два героя не опомнились? – потребовала Малена.

– Туда, – указала одна из девушек. – А ты что...

Малена поманила ее пальцем.

– Я – его сестра. Только меня в младенчестве потеряли.

– Чего?

Все настолько опешили, что Малена прекрасно и вырвалась из окружения, и нырнула в запасной выход. Аккурат за минуту до появления в коридоре Давида.

Парни догадались, что их покинут не прощаясь, но изменить уже ничего не могли.

Девушки сдвинули ряды плотнее, выпятили губки, округлились грудями и пошли на штурм. Давид аж попятился, но было поздно. Его профессионально взяли в окружение.

* * *

– Спасибо той девчонке.

– Да уж... Хорошо, кофта с собой есть.

Майку Малена с удовольствием выкинула бы, но уж очень та была удобной. Белый цвет, череп из стразов... Отстирать – запросто.

И заметно не будет.

Так что...

Девушки шли домой. Настроение было... сложным.

С одной стороны – извинились. С другой...

Кому нужны такие извинения? Когда не от души, а для своих целей? Не Матильде с Маленой.

– Как ты думаешь, чего они хотели?

– Черт их знает. Скорее всего, это синдром кота.

– Чего? Кого?

– Попробуй взять в руки кота, если он не хочет. Цапнет. Попробуй прогнать эту заразу. Час будет лезть, куда не пускают.

Малена вспомнила Беску и фыркнула.

– Не даем, а им охота?

– Если б мы не были так завязаны, я бы подумала над этим вариантом. Иногда дать проще, чем объяснить.

– А иногда проще дать по морде.

– И это монастырская воспитанница. Ай-ай-ай, Мария-Элена Домбрийская, чего вы от меня нахватались! Позор! Кошмар! Поколения ваших благородных предков...

– Меня одобряют.

– Почему? – удивилась Матильда.

– Потому что герцогство завоевывалось огнем и мечом. И отстаивалось так же. Силой и отвагой. Хитростью и подлостью. Так что... одобряют.

– Если только...

Так, за разговором, девушки и дошли до дома, где их радостными воплями встретила соскучившаяся Беся. Но день все равно завершился несахарно. Вечером, вынося мусор, Матильда обнаружила в почтовом ящике извещение.

А на следующий день получила на почте повестку. Ее вызывали в суд. Мария Домашкина подала в суд на свою дочь, по вопросам наследства. И первое заседание должно было состояться через две недели.

* * *

Вечером Давид сидел дома один.

Непривычно, да.

А все же.

Мать и отец ушли в театр, с ними пошли и сестры. Сам Давид намеревался провести веселый вечер в обществе Антохи и девочек, но почему-то передумал.

Антон подобрал себе двоих телок из «Атланта», а вот Давиду не хотелось. И не надо тут идиотских шуток про потенцию, с ней все было в порядке. А вот с настроением – нет.

Почему он не может отделаться от мыслей о Малене?

Что в ней такого?

Не слишком роскошная фигура, не слишком красивое лицо, дешевая одежда и простая прическа. Косметики, и той не найдешь.

Давид, честно говоря, предпочитал блондинок с полными губами и высокой грудью, но... Что-то его зацепило в Малене. Что? Он и сам не понимал.

Но стояла перед глазами худошавая фигурка, и милая улыбка на розовых губах, и бесенята, которые плясали в глазах девушки. Она ведь обо всем догадалась. И что ее облили нарочно – тоже. И использовала выходку этой дуры, чтобы удрать.

Но почему?

Что в нем не так?

Он Асатиани, у него есть деньги, есть красота, молодость, и в постели с ним будет хорошо... Замуж? Малена и не хочет замуж, это точно. Но почему тогда – нет?

И это не игра. Не набивание себе цены. Не...

Давид плюнул на все, налил водки на два пальца и выпил. Потом повторил. Не до пьянки, а то будет радости от родителей, так – стресс снять. И решить, что делать.

Хотя последнее и так ясно. Если его не оставляют мысли о Малене, значит, ему нужна Малена. Для начала на пару месяцев, в кровати, а там видно будет. И если не сработали подарки-цветочки, то надо подумать, как поменять методику.

И – нет.

Давид не собирался даже задумываться о насилии. Это удел безнадежно убогих, которым ни одна женщина по доброй воле не дает. Но всегда можно найти подход к той или иной проблеме...

Не все задачи решаются простым сложением. Где-то в дело идут формулы сокращенного умножения, где-то интегральное исчисление, где-то матрицы...

Надо найти свой ключик. И начнет он завтра.

Рано или поздно, так или иначе... против математики не устоит ни одна женщина. Крепости, и те падали. Так что – вперед.

С этой мыслью господин Асатиани-младший и отправился спать.

Если бы Давид видел Антона, он бы по крайней мере встревожился.

В настоящий момент Антон выкидывал из своей жизни «русалок». Как – выкидывал? Вежливо выставлял после бурных двух часов, хотя раньше не возражал бы продолжить с утра. А сейчас вот...

Может, Матильда и не хотела никого заинтересовывать. И Малена тоже.

Но средневековые герцогессы на дороге не валяются. Так что у девушки были все шансы вляпаться в любовный треугольник. Утешало в этой ситуации лишь одно.

Четвертого соперника ни Давид, ни Антон точно не потерпели бы. Хотя кто его знает, что покажет жизнь?

Глава 3

Его высочество принц Найджел

Принц не трусил.

Не боялся.

И даже не опасался, ясно вам?! Просто Найджелу было немного не по себе. И улица Могильщиков в неверном свете фонарей казалась особенно зловещей, и ступеньки скрипели как-то гадко, и Лэ Стиорта, вставшая на пороге, казалась жрицей древних культов, адепткой самого Плетущего судьбы и Путающего нити...

Черная мантия окутывает женщину, черные локоны падают на плечи. Белое мраморное лицо. И только губы алые, как кровь. И бездонные черные глаза...

Спасибо вечерним сумеркам. Чтобы добиться такого эффекта, пришлось известить пол-банки свинцовых белил, и при дневном свете это было бы очень заметно. А так...

– Ты пришел...

– Я пришел, – подтвердил Найджел, испытывая желание пуститься наутек.

Лэ Стиорта подняла руку – и слуга тут же подвел к ней коня. Она устроилась в седле боком и взглянула на принца.

– Поедем. Нам надо успеть...

Слуга уже подводил лошадь и принцу и вел себе коня. Он и поехал первым.

Лэ Стиорта не управляла лошадей, слуга намотал поводья на луку своего седла. Она ехала, отрешенно глядя по сторонам, и люди отводили в сторону глаза. Слишком уж неживой, мраморной маской казалось ее прекрасное лицо.

Найджел подумал, что Лэ Стиорта красивее леди Френсис, но совершенно не вызывает желания. Только ужас и отвращение, как ядовитая змея.

Лэ Стиорта, для которой мысли принца не остались закрытой книгой, изо всех сил «держала лицо». Холодное, отстраненное...

Какой же дурак!

Какой же потрясающий идиот!

И ЭТО будет править Аллодией?

Ну уж нет!

Они проехали городские ворота, на которых стражники и не попытались остановить троицу, а только осеняли себя святым ключом и, кажется, хватались за амулеты. Сколько им было заплачено за такой спектакль, знал только Вереш Трипс. Подготовка была полностью на его совести. В доме Ластара обходилась своими силами, но за городом ей требовалась помощь.

И Вереш не подвел.

На перекрестке трех дорог уже был разведен костер, Вереш помог своей любимой спешиться, перехватил поводья коня у принца и отошел в тень.

Теперь дело было за Лэ Стиорта. И женщина не подвела.

Она красивым жестом сбросила плащ на дорогу, оставшись в глухом черном платье. Пошито оно было так, что совершенно не стесняло движений, а еще правильно развевалось, создавая иллюзию черных крыльев. Особенно в темноте.

Много секретов было у этого платья. Главное – держаться подальше от костра, мало ли... попадешь так лоскутком, вспыхнешь...

Неприятно будет.

Один раз с Лэ Стиорта так и получилось. Но сейчас она не могла себе позволить проколов. А потому...

Один проход, так, чтобы принц побледнел еще больше. И встать с другой стороны от него, у костра.

– Великая! Мать ночи, царица Тьмы. Повелительница дорог, взываю к тебе!

Лэ Стиорта красивым жестом простерла руки над костром. Пламя изменило свой цвет на мертвенно-зеленый. Ненадолго, но Найджелу и того хватило, чтобы шарахнуть.

Матильда бы фыркнула: «Профанация». Уж что-что, а химию она в школе учила. Но ее тут не было, и принц верил, по морде видно.

– Услышь меня! Дай силу моему голосу, напитай травы своим соком! Да свершится по моему слову, да будет исполнена Твоя воля, воля той, что выше Иных...

Пламя поменяло свой цвет на фиолетовый, потом опять на зеленый⁴.

Лэ арраша ассе шен!
Шарра таррше асса хен!
Вирен лэрша ин саввир!
Тасса ранше дер ханнир!!!

Лэ Стиорта закончила заклинание.

Пламя сменило свой цвет с зеленого на малиновый, вспыхнуло что есть силы, по лесу пронесся тоскливый волчий вой, а потом в руке у колдуньи, словно из воздуха, материализовался флакон синего стекла.

– Благодарю тебя, Госпожа!

Костер опять взметнулся зеленым.

Лэ Стиорта, откровенно жуткая в этом пламени, протянула принцу флакон.

– Возьми, господин. Мать ночи ответила на твою просьбу. Подливай по три капли в день, и через месяц увидишь результат.

Найджел протянул дрожащую руку, и колдунья вложила в нее склянку.

– Деньги!

Принц кое-как отцепил от пояса кошелек. По лесу пронесся волчий вой, в этот раз еще сильнее, еще злее...

– Ее слуги пришли. Они зовут.

Найджел вздрогнул.

– Уходи, господин. Я останусь, чтобы ты смог уйти...

В руку Найджела ткнулись поводья. Он судорожно сжал их, вскочил на коня – и что есть силы ударил его каблуками по бокам.

Бедное животное заржало и взяло с места в карьер. Миг – и только пыль столбом на дороге.

Лэ Стиорта откинула назад голову и расхохоталась.

– Отойди от костра. Нанюхаешься. – Вереш был спокоен и хмур.

Лэ Стиорта послушалась, но продолжала посмеиваться.

– Ты видел, как он дрожал? А как пятился?

Вереш умело затапывал пламя.

– Да уж...

Лэ Стиорта вытащила из ноздрей кусочки корпии, пропитанной маслом. Не просто так костерок был разведен, и не простые травы в него полетели. А кое-что дурманящее, снижающее критичность восприятия.

⁴ Соли калия – фиолетовый цвет, бария – зеленый. Никакой мистики и достать несложно. (Прим. авт.)

Чтобы не нанюхаться, приходилось принимать меры.

Жрица не может быть пьяной, хохочущей, терять координацию... она должна быть жуткой и величественной. Вот и приходится соответствовать.

Верешу – прятаться в темноте и выть.

Лэ Стиорта – доставать кроликов из шляпы, то есть сыпать в костер химикаты и пользоваться потайными карманами.

Ловкость рук и никакого мошенничества. Так-то! И пусть дураки верят. Пусть их...

– Заклинание получилось очень душевным, – ухмыльнулся Вереш.

Он тоже знал язык степняков. Это знать им брезговала, а Лэ Стиорта учила в свое время, от матери, и ее друг тоже учил. Мало ли...

Позволь побыть с тобой наедине.
К твоим губам прижаться.
Не расставаться больше никогда.
Навек с тобой одной душой остаться.

Страшное заклинание, не правда ли?

Хозяин Интары Сиаршт любил поэзию. И читал ее иногда... в процессе. Вот и запомнилось.

– Может, здесь переночуем? – предложила Лэ Стиорта. – Не хочу сейчас в город...

Вереш улыбнулся подруге.

– Ты сходи умойся. Тут ручей недалеко. А я пока нормальный костерок разведу, да и одеяла у меня с собой, и корзинка с едой...

– Вереш – ты чудо! Я тебя обожаю!

Лэ Стиорта удалилась в темноту, умываться. Вереш проводил ее взглядом и вздохнул.

– Но не любишь, Ласти. Пока еще ты любишь другого... пока. Что ж, я подожду. Я терпеливый. Все равно ты моя будешь.

И принялся обустраивать стоянку. Надо ведь позаботиться о любимой.

Заодно и кошелек сунул в карман... тяжеленький.

Это хорошо, деньги им нужны. Определенно.

Потом он отсыплет чуточку, а остальное отдаст Ласти. И – нет. Он не ворует. Он все отдаст любимой, когда придет время. А пока – вот так.

Больше никто этой ночью не вспоминал о Найдзеле.

* * *

Его высочество рухнул на кровать как подкошенный.

Жуть жуткая!

Кошмар!

Принцу было страшно, очень страшно. Он никогда не видел такого... с кем же он связался?

Но ночь осталась за окнами, а в покоях было спокойно и привычно. Вино опять же помогло, и Найдзел уже без страха достал из кармана склянку, взгляделся.

Самая обычная темная жидкость. Острый пряный запах.

Травы? Или...

Страшно.

Найдзелу было страшно, но снявши голову – мечтают о короне. А он мечтал. И точно знал, что завтра подольет отцу первые три капли зелья. Сам подольет, никому не доверит.

Все равно душу губить, так пусть хоть корона его будет. И Аллодия.

И вообще, отец сам виноват...

Найджел так и забылся пьяным сном, не выпуская из рук заветного пузырька, в котором плескалось его будущее.

Балы, красавицы, роскошь, преклонение, власть...

И все это будет его. Уже скоро, очень скоро...

Неподалеку от крепости Ланрон, северо-запад Аллодии

Каждый рыбак знает – ловить надо на рассвете. Но сома, к примеру, ловить надо ночью. И чем глуше, тем лучше, он крупнее будет.

А чтобы ловить ночью...

Встать надо к полуночи, собраться, лучше с вечера, уложить все в лодку-плоскодонку, а как все в доме уснут, выпить чашку горького травяного отвара, ну и к Интаре.

Подождать по дороге друга, с которым уговорились пойти таскать сомиков, крепко поручкаться – как взрослые, да и взрослые уже, чай, десять-то каждому есть... ну... почти есть! Сесть в лодку, оттолкнуться веслом – и туда, где с вечера заботливо разбросали приваду. И разбрасывали уж несколько дней подряд. Далековато, конечно, от деревни, а что делать, если сомики водятся только в Натаньиной заводи? А это два часа вверх против течения... пешком-то все четыре топать, как бы не больше. А обратно до Ухаровки Интара донесет...

Обратно, конечно, не раньше полудня, но ежели с уловом придут, то матери и ругаться не будут. Всем известно, что сомик – рыбка вкусная и для детей полезительная, болеет малышня потом меньше...

– Слышь, Мих, а что это там?

Симар и Мих дружили давненько, с детства, рыбачили вместе, проказничали вместе и удачно дополняли друг друга.

Высокий худой Сим, который всегда готов был на любую шалость и проказу, и обстоятельный толстенький Мих, который не соглашался ни на что, не просчитав последствий.

Вот и сейчас, с рыбалкой, идея была Сима, воплощение – Муха. Удочки – Сима. Плоскодонку нашел Мих.

Сим был повыше, зрение у него было получше, ну и... первым замечал все интересное тоже он. Мих вгляделся туда, куда тыкал грязноватым пальцем Сим.

Сначала мальчишка даже и не понял, что видит.

Звезды? Так низко? Так много? Непонятно...

А потом...

Темнота, да... Но это мальчишки на реке и в темноте, а эти...

Степняки и не скрывались. Сорок тысяч. Кто может им противостоять? Здесь? Аллодийская кавалерия – да, но не ночью ведь? Не в темноте?

А мальчишек они просто не увидели.

Степняки расположились как раз неподалеку от той самой Натаньиной заводи с сомами – по преданию, некая девица Натаня в ней утопилась, спасаясь то ли от свадьбы с нелюбимым, то ли боясь травить плод, с той поры сомы-то в заводи и появились. И видно их с воды было просто отлично. Мальчишки замерли.

По счастью, Интара была речкой коварной и извилистой, и деревьев по ее берегам было достаточно. Вот и Симару с Михом повезло.

Старая ива склонила ветви аж к воде, под нее-то и заползли мальчишки, считая, один – огни справа от себя, второй – слева...

В среднем на один костер приходилось десять человек... Мих и Сим сбились, когда закончились пальцы ног, и в ужасе переглянулись. Степняков они узнали сразу. Гортанно-шипящую речь, черные косы, остроконечные шапки...

– Что делать-то, Мих?
– Обратно править. И к старосте бежать.
– Выдерет он нас...
– А коли не поверит, то криком кричать, народ поднимать и уводить. Хоть своих, – Мих шептал, и на круглом лице его была решимость. – Придут твари, младенцев на копья взденут, баб заголят, да и мы... сам знаешь.

Сим кивнул.

Он знал о степняческом обычае не оставлять в живых ни одного ребенка, который поднялся макушкой выше стремени коня. Чтобы не вырастить мстителя.

Можно подумать, маленькие дети не способны разобраться, где враги, а где друзья! Ха!

– Услышат нас...

– А мы потихоньку... Делай, как я.

Плоскодонка – лодка невысокая. И мальчишки принялись за дело.

Тихо-тихо, только что не зубами отгрызали ветки ивы, обматывали весла рубашками, обмазывались придонным илом, чтобы не сверкнуть в темноте белой кожей... кой шервуль – холодно? С них пот лил в четыре ручья!

Лодку забросали ветками, скрадывая очертания, получился этакий плавучий островок, весла обмотали тряпками тоже не просто так, а чтобы плескало тише, сотворили святой ключ, помолились и поползли. Не вдоль берега, чуть поодаль, медленно...

Повезло в том, что шли они по течению, а мало ли всякой дряни лесные речки носят? Ой, много... Тут и коряги, и травяные островки, и дохлые твари.

Ребятам и помогать речному течению почти не пришлось, так, чтобы к берегу не пристать, чтобы из лодки не высунуться...

И повезло мальчишкам еще и в другом.

Река же...

Степняки ждали нападения с суши, на суше засады ставили, там они бы мигом разведчика заметили. А с реки...

В сознании степняков река угрозой не была. Всадники ведь.

* * *

Староста Бурим давно уж спал, когда в дверь забарабанили что есть сил.

Первой подскочила его жена, Меланья, а за ней уж и дети, и родители.

– Что... как?

В дверь молотили что есть силы. А когда Бурим, вооружившись топором для верности, распахнул ее, два тела упали ему почти в ноги.

Топор вернулся в угол.

– Эт-то что такое?

«Таким» оказались двое мальчишек. Симар и Мих, обоих Бурим отлично знал, только вот не водилось за ними – такого.

Шкоды – были, вредности были, но вот так, среди ночи...

– Бур, да ты погляди, – вступилась жена. – Их же трясет всех...

И верно, мальчишки были полуголыми, грязными, что те шервули, растрепанными, и колотило их так, что за шкуру вздерни – сами мотаться будут.

Видимо, что-то их так напугало, что добежать смогли, а потом и упали. На самом пороге, осознавая, что все, они – дошли. Видел Бурим такое, бывало... только вот вспоминать не хотел. Ни где видел, ни что делал...

Кое-как староста закинул мальцов на лавки и потопал к печке, где с вечера сберегался горшочек молока. Раз уж такое дело...

Теплое молоко помогло. Мальчишки опамятовались.

– Что случилось?

Бурим не был бы старостой, не будь он умным и серьезным человеком. И услышав рассказ мальчишек о том, как они порыбачить взялись, а в Натаньиной заводи степняки...

Бурим и заводь знал, и протоку, и...

Повоевал он в молодости. Бывало.

Расспрашивал мальчишек и понимал, что все верно. Неоткуда им такие подробности знать. Про степняков, про все...

Молчала, прикусив уголок платка, жена, прижались друг к другу дети... Наконец, Бурим принял решение.

– Мели, беги по домам. Народ поднимай, кажи, пусть берут, что могут, через час уходить будем. Скотину... эх-х-х! – Одна мысль была противна крестьянину, но... – Скотину пусть хоть режут, хоть выгоняют, с собой не потащим, если только кого посмышленее. Будем уходить в Северский лес. Я сейчас к Дорту, а потом к Гаселю. Надо гонцов разослать по соседним деревням, людям знать дать. И в крепость кого послать.

Мальчишки просто на глазах расправляли плечи.

– Дядь Бурим, мы можем... – заговорил Сим.

Бурим только рукой махнул.

– Вы, малыцы, уже сделали, что могли. Всех нас спасли...

Мальчишки переглянулись. Герои ж... И с небес на землю их спустили только грустные слова старосты:

– Теперь бы мне деревню убедить да увести всех...

Впрочем, Бурим действительно не зря был старостой.

Ухаровка собиралась быстро и молча, подстегнутая страшным шепотом и обрисованными перспективами. Несколько воинов, в том числе и Бурим, о развлечениях степняков знали не понаслышке. И рассказывали так, что у людей мороз по коже бежал.

Инкор?

Шервиль его знает, тот Инкор. Если там и правда столько народа, могли с налета взять. Или еще чего похуже... ох, могли.

Бурим и размышлять не стал. Послал пару охотников на разведку, а сам...

Не в степи живем, в лесу. Туда и уходить будем.

Чтобы у приличной деревни да лесного схрона не было? Ох, разное в жизни бывает, разное... Имелся такой схрон и у ухаровцев. Лесной овраг, в котором обустроены землянки. Век не проживешь, но даже зиму перезимовать – и то стодится. Мало ли...

Туда и уходить собирались. Лес – он и прокормит, и укроет, если понятие иметь. Да и... Лучше уж пару дней пересидеть да дураками оказаться, чем попасть степнякам в лапы. Ох, лучше.

К тому времени, как вернулись посланные на разведку охотники (эти мудрить не стали, а просто повторили то же, что сделали мальчишки, сплавав вниз по реке), в деревне, считай, никого почти и не осталось. Разве что над скотиной причитали самые упрямые... но услышав, что все правда...

Угроза жизни придает людям потрясающую прыть! И так убавляет желание спорить...

Еще до рассвета Бурим командовал обустройством деревни на новом месте. А Мих с Симаром распускали хвосты перед сверстниками.

А то ж!

Сплавали!

Разведали!

Всех предупредили!

Герои? Конечно, герои!

Мысль о том, что на пути степняков окажутся и другие деревни, пока мальчишек не посещала. Им и своих хватало...

А вот Бурим думал и об этом. И мрачнел с каждой минутой.

От Инкора – два перехода. Степняков всяко больше десяти тысяч. И как их останавливать? И кто окажется в жерновах? Аккурат между степняками и своими? Или на пути у степняков, когда тех прочь погонят? Ох-х-х...

Матильда Домашкина

– Доброе утро, Антон Владимирович.

– Доброе утро. Малена, а чего ты вчера так рано ушла из клуба?

– У меня были дела дома, Антон Владимирович.

– Жаль...

Мотя пожала плечами.

Жаль там, не жаль... вот ей – нормально, а остальных и не спрашивали.

– Тебе в «Атланте» понравилось? Ходить будешь?

– Нет.

– Не понравилось – или не будешь?

– И то и другое, – вежливо ответила Матильда. Голова у девушек была занята совсем другим. Повесткой из суда, к примеру.

Вот ведь дрянь!

Что самое обидное, в повестке ничего не сказано ясно. Вызывается такая-то, число, время и куда! То есть адрес суда. А что, почему, зачем...

Она уже в суд звонить пыталась, но справок не давали. Самой сходить, что ли?

А смысл?

Матильда и так догадывалась, кто мог ей удружить. Мамочка, при Парашинной поддержке. Или есть сомнения?

А вот чего они хотят?

Она назначена ответчиком, но на какие именно обвинения придется отвечать? Черт его знает! По вопросам наследования? Это что угодно, от завещания до дарственной, слишком расплывчатые формулировки.

Нанять адвоката?

Она уже проконсультировалась по знакомым, сколько что стоит. Это тоже не так дешево, и уж Матильде точно не по карману. Просто прийти, обратиться, чтобы ее выслушали и отправились с ней в суд – придется четверть зарплаты отдать. Может, и понадобится, конечно, но сначала лучше сходить самой. Посмотреть, с чем столкнуться придется.

Сериалы Матильда поглядывала, примерный порядок заседания знала, язык у нее тоже был подвешен, авось отболтается?

Не осудят же ее на первом заседании?

Взять с собой имеющиеся бумаги, ксерокопии паспорта и регистрационного свидетельства, чтобы не словами едиными, благо в свое время ксероксов наделали с запасом, и сходить. Посмотреть, поговорить за жизнь...

Вот ведь твари!

Оригиналы занимали свое место в банке, ключик висел на шее у Матильды, копии лежали дома...

Сначала сходим, потом будем продумывать защиту или нападение, как получится. По крайней мере, она ничего не тратит, а то суды у нас – дорогое удовольствие.

За заявление плати, юристам плати, госпошлину плати... что-то там еще тоже платить надо. А она ответчик, то есть просто прийти и послушать. Пока...

– ...Зря.

И что она прослушала, интересно?

Оставалось просто промолчать. Антон понял, что ничего от секретарши не услышит, и кивнул.

– Ладно. Иди. И договоры за май прошлого года мне принеси, хорошо?

Матильда упорхнула из кабинета.

Вот... как же не ко времени все эти мужчины! Они что, сами не понимают? Не до них девушке, проблемы у нее!

Проблемы!

Хорошо хоть у Малены все было мирно и спокойно. Она ехала в столицу, Ардонские буквально пылинки с нее сдували, с Астелой и Даранель Малена нашла общий язык, Динон пытался ухаживать, но без особого энтузиазма, а граф и графиня выполняли роль пастушьих собак при стаде невинных овечек.

И неплохо выполняли, надо заметить. Пресекали неподобающие разговоры, следили, чтобы девушки не отбивались от «стада», не настаивали на тесном общении Малены с Диноном, так, делали зарубку на будущее...

Одним словом – благолепие.

Жаль, у Матильды был слишком беспокойный характер, чтобы просто наслаждаться путешествием, об этом она и завела разговор с Маленой.

Ехать – хорошо, но мало. Рано или поздно они доедут. А что потом?

А потом столица, которая по определению болото с гадюками. Да такое, что нормальной змее там ловить нечего. Отравится в первые пять минут.

Об этом Матильда и заговорила с подругой.

– Малена, а что мы будем делать в Аланее?

– Эм-м-м...

– Вот мы приехали. Что дальше?

– Мы отправляем письмо в королевскую канцелярию, с просьбой об аудиенции.

– И долго эту просьбу удовлетворять будут?

– Я – Домбрийская...

– И? Это на что-то влияет?

– На скорость рассмотрения. Дней пять-шесть.

– Ага. Потом мы приходим к королю.

– Следует разговор, как я понимаю. По итогам которого его величество решает, вводить ли меня в права или предпринять что-то другое.

– К примеру?

– Выдать меня замуж. Передать титул моим детям – если я недостойна. Перевернуть герб и засыпать Донэр солью...

– Последнее – крайний вариант?

– Да.

Матильда вздохнула. Насколько она знала... ох, плохо зависеть от воли одного конкретного человека. Согласно закону подлости, он обязательно окажется сволочью. Вот.

– Что получаешь ты – понятно. А король? Какую выгоду поимеет с тебя – он?

Теперь пришла очередь Малены недоумевать.

– То есть?

– Я тебе вечером «Анжелику» поставлю. Там героиня могла получить многое, если ляжет с королем в постель.

– И получила?

– Нет. Она не смогла, у нее была большая и чистая любовь к мужу, для короля там щелочки не осталось.

Малена вздохнула.

– Не хотелось бы до этого доводить...

– А если поставят ультиматум?

– Не знаю. Не хочу знать...

– И все же? Каждый за себя, один Бог за всех... что получит для себя его величество?

– Крепкое герцогство?

– Это мы знаем, что ты в состоянии и взять его, и удержать. А он? На тебе не написано, что ты умница.

– И что тогда делать? Как я могу это доказать?

Как-как! Динамит изобрести, ясное дело. Но подруге Матильда этого говорить не стала, ни к чему. Просто многозначительно хмыкнула.

– Есть у меня одна идея. Как раз на этот случай...

– Расскажешь?

Матильда отрицательно покачала головой.

– Сейчас это не столь важно. Понадобится – расскажу.

– Хорошо...

Малене тоже не хотелось разговаривать о таких грустных вещах. И Матильда перевела тему.

– Если тебя решат выдать замуж... что мы будем делать?

– Только соглашаться. С королем не спорят.

– И ехать в Донэр?

– Ну... а что ты предлагаешь?

– Малечка, вот не знаю, как ты, а я бы не собиралась подчиняться супругу, о котором известно только то, что его король назначил. Не королю же с ним жить и спать?

– И?

– Во все времена были и дурочки, которые покорно ехали в деревню, и их противоположности. К примеру, Таис Афинская или Аспазия, но это из древности, а из современности – Нинон де Ланкло, Диана де Пуатье или Марта Зелле, к примеру...⁵

– Это кто?

Историю Матильда знала неплохо, хотя и достаточно однобоко, но на Малену ее рассказ произвел впечатление. Особенно про Мату Хари. Но и про гетер тоже...

– И что я должна делать? Я же не смогу обнажаться...

– Не надо. Ни обнажаться, ни спать с кем попало... Ты должна стать уникальной.

– А как?

– Стихи, к примеру. Этого добра я достаточно знаю.

– Некрасиво выдавать чужое – за свое.

⁵ Исторические личности, оставшиеся в человеческой памяти исключительно с помощью ума и обаяния. (Прим. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.